

Как работает автоэтнография?

Дмитрий Rogozin

кандидат социологических наук, заведующий
лабораторией методологии федеративных исследований
Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
старший научный сотрудник Института социологии РАН
Адрес: пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: d.rogozin@list.ru

В статье раскрывается современный автоэтнографический подход к социальным исследованиям. Проведен обзор публикаций, вышедших в свет с начала 2000-х гг. Показано, что автоэтнография работает как спланированная, хорошо структурированная и соотнесенная с внешним миром исповедь. Принципиальная авторская открытость, бескомпромиссность в представлении любых деталей личной биографии, имеющих отношение к изучаемому вопросу, отказ от нейтральности и организованного скептицизма (по Мертону) в отношении к объекту исследования составляют основу автобиографического подхода. В статье отражены современные школы, сделан обзор методик и техник автобиографического письма. В западной традиции заметны два направления автоэтнографии: эвокативное, основанное на квир-теории, и аналитическое, продолжающее традиционную работу с концептуальным аппаратом. Первое, эвокативное, направление опирается на метафоры эмоционального, аутентичного и правдивого представления культурных реалий через автобиографический жанр. Второе, аналитическое — поддерживается тремя установками исследования: фактической принадлежностью к изучаемому сообществу, отсутствие недомолвок и непроговоренных, непрописанных деталей этнографической работы, стремлением к теоретическому осмыслению реальности и отказ от какого-либо аутентичного отображения прошлого. За последние 20–30 лет в России не реализовывались сильные автоэтнографические проекты, претендующие на развитие самостоятельного теоретического языка описания. Исключение составляет лишь так называемая «драматическая социология» Алексева, примыкающая к квир-идеологии западных коллег. В статье представлен подробный разбор исследовательских инноваций Алексева, отображены логические и теоретические пересечения с работами зарубежных авторов.

Ключевые слова: автобиография, автоэтнография, биографический метод, драматическая социология, квир-теория, личные нарративы

Современное общество приучает людей не доверять себе, своему опыту. «Мифы и реальность» — одно из частотных начал статей, нацеленных на разоблачение мира повседневности. Вера в специалистов, научное или экспертное знание, объясняющее и задающее «правильные» интерпретации, сложилась не сразу. Столетия потребовались на то, чтобы наука стала восприниматься как объективное, универсальное знание, определяющее правильные и нормальные практики, мысли, суждения. Наука универсальна и внеличностна. Только сфера эмоционального

с трудом укладывается в эти категории и, как следствие, до сих пор плохо встроена в наукообразные изыскания. Именно в ней из мемуаров и частных воспоминаний оформилась и окрепла методология автоэтнографических исследований. Как устроена автоэтнографическая работа? Какие методы и приемы востребованы? Что нужно делать, чтобы оказаться в среде автоэтнографов? Каковы последствия от автобиографического письма? Как автобиография становится научным методом? Кто такие биографы собственных судеб и что ими движет в написании развернутых текстов о себе? Почему «нормальность» стала камнем преткновения, а преодоление социальных запретов, задающих границы нормальности, — основным вызовом для развития автоэтнографии? Возможна ли теория в автоэтнографии? Как погружение в истории других сочетается с академическими требованиями к генерализации и обобщениям? Где границы диалога и теории, научного исследования и личной биографии? На все вопросы не ответишь, но удержать хотя бы некоторые из них, постараться найти размышления научных сотрудников, проясняющие методические затруднения или, напротив, усложняющие до того ясные представления, вполне возможно.

Экспансия автоэтнографического подхода

Хотя автобиографии долгое время не включались в корпус надежных исторических источников, они всегда активно использовались в реконструкции событий и фактов прошлого. После развития направлений, связанных с индивидуальными, частными историями, публичными событиями, воспринимаемыми не элитарными группами, а рядовыми гражданами, биографические материалы (дневники, письма, автобиографии, устные рассказы, записанные в ходе интервью, иные личные документы) стали основным материалом для исторических реконструкций. Вера Дубина не случайно упоминает об антропологическом повороте в историческом знании (Завадский, 2014), в основе которого лежит биографический метод. Верно и обратное. Историческая интервенция в антропологические и этнографические науки фактически привела к формированию самостоятельной, теперь уже весьма разветвленной отрасли знания — автоэтнографии, границы которой очерчены в десятках коллективных монографий и сборников (Oakley, Callaway, 1992; Reed-Danahay, 1997; Anderson, 2001; Jolly, 2001; Roth, 2005; Meneley, Young, 2005; Baena, 2007; Muncey, 2010; Sikes, 2013; Short, Turner, Grant, 2013; Boylorn, Orbe, 2013; Wyatt, Adams, 2014; Jones, Adams, Ellis, 2015). В основе автоэтнографии лежит автобиографический метод — самостоятельное и ответственное индивидуальное или коллективное конструирование личной истории (Bruner, 1993; Anderson, 2006, 2012). В свою очередь, систематический анализ личных историй направлен на понимание культурного опыта, накопленного и усвоенного в конкретной социальной среде (Ellis, 2003; Holman Jones, 2005b; Ellis, Adams, Bochner, 2011; Holman Jones, Adams, Ellis, 2013; Denshire, 2014). Автобиографичность последнего создает лич-

ностную, интимную основу для построения аргументации в пользу тех или иных культурных моделей или теоретических объяснительных схем.

Основной поток публикаций, основанных на автоэтнографическом подходе, начинается со второй половины 2000-х гг. и почти удваивается в первой половине 2010-х. До этого мы наблюдаем лишь разрозненные, несвязные тексты (рис. 1). Это объясняется маргинальным характером автобиографических описаний по отношению к привычным, ретуширующим исследователя в тексте (авто)этнографическим размышлениям. Хотя начало автоэтнографических исследований связывают с Чикагской школой, различая первую и вторую волну исследователей (Anderson, 2006; Denshire, 2014), массовый всплеск интереса к автобиографиям проявился лишь в 2000-х гг.

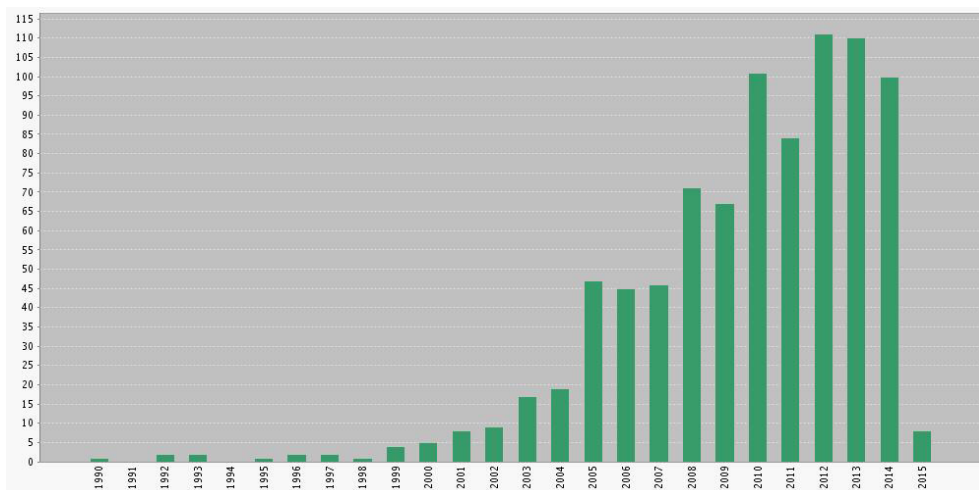

Рис. 1. Количество публикаций, в заглавии, ключевых словах или в аннотации которых встречается словоформа «автобиография» (всего 863 публикации, источник: ISI Web of Science, дата обращения: 21.01.2015)

Распространенность автобиографического и автоэтнографического методов в гуманитарном знании поражает. Исследователи обращаются к ним, чтобы: 1) изучать интимную сферу, формирование и развитие сексуальности во всем разнообразии ее проявления (Adams, 2006, 2011, 2012b; Blinne, 2012; Henderson, 2012; Fox, 2014; McGlotten, 2014; Nordmarken, 2014; Sloane, 2014); 2) наблюдать за формированием идентичности, сопротивлением человека перед давлением общественных норм и устоев, способствовать реализации базовых прав и свобод (Averett, 2009; Eakin, 2008; Yang, 2012; Jones, 2013; Emerald, Carpenter, 2014; Whitinui, 2014; Marschall, 2015; McTavish, 2015), что особенно актуально в традиционных обществах (Rottgerrossler, 1993); 3) понимать природу семейных, родственных и дружеских отношений, помогать людям справиться с трудными жизненными ситуаци-

ями (Holman Jones, 2005a; Chen, 2014; Newbold, Ross et al., 2014; Wyatt, Adams, 2014; Cho, 2015); 4) отказаться от лекционных курсов и перейти к активному обучению, организовать действенную систему оценивания эффективности образования и обратной связи (Warren, 2011; Wilson, 2011; DeMeulenaere, Cann, 2013; Anae, 2014; Cook, 2014; Jahng, 2014; Struthers, 2014; Martin, 2014; McCormack, Vanags, Prior, 2014; Kohn, 2014; Ernst, Vallack, 2015; O’Keeffe, 2015), в том числе для взрослых в рамках непрерывного образования (Sykes, 2014); 5) проводить терапию и оказывать психологическую поддержку людям с ограниченными возможностями, отчаявшимися, испытывающими боль и потерю веры в себя, находящимся при смерти или переживающими смерть близких (Murphy, 1987; Ellis, 1995; Neville-Jan, 2003, 2004, 2005; Nam, 2008; Adams, 2012b; Sealy, 2012; Smith, 2012; Liggins, Kearns, Adams, 2013; Block, Weatherford, 2013; Alexander, 2014; Atkins, 2014; Esposito, 2014; Clifton, 2014; Cockain, 2014; Doschi, 2014; Peterson, 2015); 6) изучать эмоциональную сферу жизни (Ellis, 1991; Wilkins, 1993), 7) профессиональные и тематические увлечения, досуговые практики, творчество и работу в разных сферах занятости (Hayano, 1982; Ouellet, 1994; Sanders, 1999; Anderson, Austin, 2012; Littig, 2013; Lobatto, 2013; Larsen, 2014; Mardones, 2014; Shoemaker, 2014; Peterson, 2015), вплоть до девиантных и криминальных практик, жизни в местах лишения свободы (Ettorre, 2013; Newbold, Ross, Jones et al., 2014; Schingaro, 2014; Ugelvik, 2014; Wakeman, 2014); 8) осознавать сложности и вызовы последних дней жизни, изучать осмысление человеком смерти (Terry, 2012; Riggs, 2014); помогать узникам концлагерей переосмысливать свою судьбу (Rawicki, Ellis, 2011; Ellis, Rawicki, 2013) и т. д. и т. п.

Методология автоэтнографии переплетена с личными судьбами этнографов (идентификация условная, поскольку их можно назвать социологами, психологами, социальными работниками, психотерапевтами, исследователями, научными сотрудниками, список можно продолжить). В ней нельзя выделить линейные, методические схемы, разложить на этапы и приемы аналитической работы. Нельзя сказать хоть что-то внятное без включения жизненных историй, переживаний авторов и участников автобиографических описаний. Задача настоящей статьи — показать работу автоэтнографии как инструмента проблематизации знакомого и личного не через объективирующие практики наблюдения за другим, а посредством еще большей субъективации, интроспекции личных чувств, эмоций, переживаний. Поэтому наряду со схематическими описаниями автобиографических методов и приемов позвольте представить несколько кратких биографических сюжетов, связанных с их авторами. Через последние, надеюсь, станет понятным методологическое напряжение автоэтнографии и особая ее чувствительность к эмоциональной сфере повседневной жизни.

Тони Адамс

Доцент факультета коммуникации, медиа и театра Северо-Восточного университета штата Иллинойс. Изучает гендерные отношения, в частности особенности формирования гомосексуальной идентичности.

Отношения с отцом — одни из центральных в судьбе Тони Адамса (Adams, 2006; 2012b). В мае 2003 года Тони позвонил отцу: «И звенящим от нервного смеха голоса спросил, не гей ли он часом, мол, слышал дурацкую шутку и...». Тони прервал отрицанием. Отец радостно вздохнул. А через какое-то время сын перезвонил и признался, что живет с парнем. Позвонить отцу уговорил тот самый парень, Бретт, который был тогда рядом. Потом отец признался Тони, что ему было ужасно тяжело услышать о том, что сын — гей, но потом это дало силы принять ситуацию, уйти от череды личных домыслов, ухмылок знакомых, неприятных сомнений и догадок. Это был правильный поступок — сказать правду, поделиться своей жизнью с близким человеком, сделать явной наиболее важную для себя часть жизни. В этом основа автоэтнографии, поэтому история об отце и партнере открывает методологические размышления о жизненных историях и... квир-теории, связь которой с автоэтнографией будет показана ниже (Holman Jones, Adams, 2010b: 143–146). Быть геем непросто даже в толерантном западном обществе. Слишком много вопросов, подозрительности и предубеждения:

«— Вы верите в Иисуса? — спрашивает меня каждый год какой-нибудь студент.

— Я верю в то, что нужно быть хорошим человеком, — отвечаю я. — Я стараюсь уважительно относиться к каждому. Я стараюсь не лгать, не обманывать, не причинять боль другим.

— Но находите ли вы, что гомосексуальность, ваш образ жизни — это грех? — уточняет другой.

— Я нахожу, что невозможно разделить образ жизни, грех, от человека, согрешившего, — говорю я. — Я считаю коммуникацию конститутивной. Человек есть то, что он говорит и делает, человек — это его опыт и его верования. Следовательно, называть гомосексуальность, мой стиль жизни, грехом — это то же самое, что называть меня, мое присутствие греховным. Я ценю любовь, любую сторону любви, разделяемую совместно. Для любви не важны раса, класс, возраст, пол, способности или гендер.

— Да, но что будет, если вы не попадете в рай?

— Все, что я знаю, — это мои попытки быть по возможности хорошим человеком.

— У вас это получается, особенно в аудитории, — говорит кто-нибудь еще. — Но для меня трудно поверить, что вы не христианин и не проповедуете учение Иисуса.

— Я могу сказать вам, что я — христианин и проповедую учение Иисуса и что я нахожу гомосексуальность грехом, если вы хотите это услышать, — отвечаю я. — Но я также ценю наши отношения и в этом разговоре, честность. Я не хочу вам лгать» (Holman Jones, Adams, 2010a: 149).

Не поиск истины, а попытка удержать искренность в разговоре, несмотря на соблазны прекратить общение, встать в позицию конфронтации, конфликта — это не только часть теории, но и практика, основа нарративной этики (Harrison, Lyon, 1993; Adams, 2008, 2013). Автоэтнография перформативна. Она не только описывает, но и формирует коммуникативную реальность.

В марте 2006 года Тони позвонили сообщить о смерти его экс-партнера Бретта. Диабет или самоубийство — так и осталось до конца не ясным. До этого уже было несколько попыток самоубийства и сложные отношения с отцом, попытки все сохранить в тайне. Тони посвящает эпилог и пролог своей книги Бретту (Adams, 2011), по-новому интерпретируя важность автобиографического письма для снятия боли, понимания происходящего, продолжения работы, наконец, жизни. С Бреттом все было непросто. Его чрезмерная независимость, признание в изменах, уходы — все это надо было как-то пережить (Adams, 2011: 15), что стало гораздо легче с возможностью писать биографию.

Автобиографическая терапия помогает не только пишущему, но и читающему, находящему личные смыслы, мотивы, переживания в текстах другого:

«Автобиографические записи не помогают полностью преодолеть или принять растерянность, боль, раздражение или неопределенность. По отношению к Бретту я продолжаю жить с болью и растерянностью. Вспоминаю его почти каждый день, и отнюдь не только счастливые и радостные моменты, но сложное время раздоров, непонимания и развода. Уверен, что никогда не примирюсь с его смертью, не важно, сколько и как я буду об этом писать. Тамас делится подобными наблюдениями о том, что боль утраты нельзя легко преодолеть, принятие ситуации — это намного больше, чем просто линейный, прогнозируемый и реализуемый процесс» (Tamas, 2011).

«Я всего лишь подчеркиваю, что занятие автоэтнографией может помочь управлять болью и растерянностью, злостью и неопределенностью, влечением и потерей; это может помочь нам как писателям и деятелям описывать и задавать вопросы о горе, разрушении и/или о каком-либо сложном опыте» (Adams, 2012a: 184).

Автобиография укоренена в повседневных практиках. Поиск автобиографических методов — это внимательное отношение к востребованным и в обиходе применяемым интимным техникам воспроизводства идентичности, попыткам понять себя и свое окружение. Единственное требование — это навык письма, умение отдаваться стихии письменного текста. Если приходит желание писать, от исследователя требуется не прислушиваться к себе, своим переживаниям, эмоциям, разочарованиям, устремлениям, а сразу представлять их в тексте, позволяя эмоциям проявлять себя в словах и выражениях. Так сливаются воедино исследовательский, терапевтический и гуманистический эффекты автоэтнографии.

Методические приемы

Один из наиболее авторитетных обзоров автоэтнографического метода написан Каролин Эллис, Тони Адамсом и Артуром Бочнером (Ellis, Adams, Bochner, 2010). Первоначально опубликованный на немецком языке, он трижды перепечатан в ведущих англоязычных изданиях, из которых сейджевский (SAGE) четырехтомник под редакцией Пэт Сайкс (Sikes, 2013) на годы канонизировал их работу в качестве наиболее значимого теоретического и методологического экскурса в автоэтнографическую и автобиографическую проблематику.

Основная задача, с которой успешно справились авторы обзора, — представить сложность и комплексность методического арсенала для автобиографического изложения. Очевидное и непроблематизируемое для здравого смысла описание жизненного опыта, пересказ прошлых событий, воспоминания и суждения о личных достижениях и неудачах в изложении К. Эллис, Т. Адамса и А. Бочнера предстают в разнообразных методических подходах, несущих уникальные ограничения и возможности для интерпретации получаемого нарратива. Авторы выделяют девять возможных форм автоэтнографического исследования, в которых автобиография становится фундаментом для конструирования прошлого: аборигенная и нарративная этнографии, рефлексивное диадное интервью, рефлексивная этнография, многослойные учетные записи, интерактивное интервью, коллективная этнография, совместно конструируемые нарративы и, наконец, личные нарративы (рис. 2).

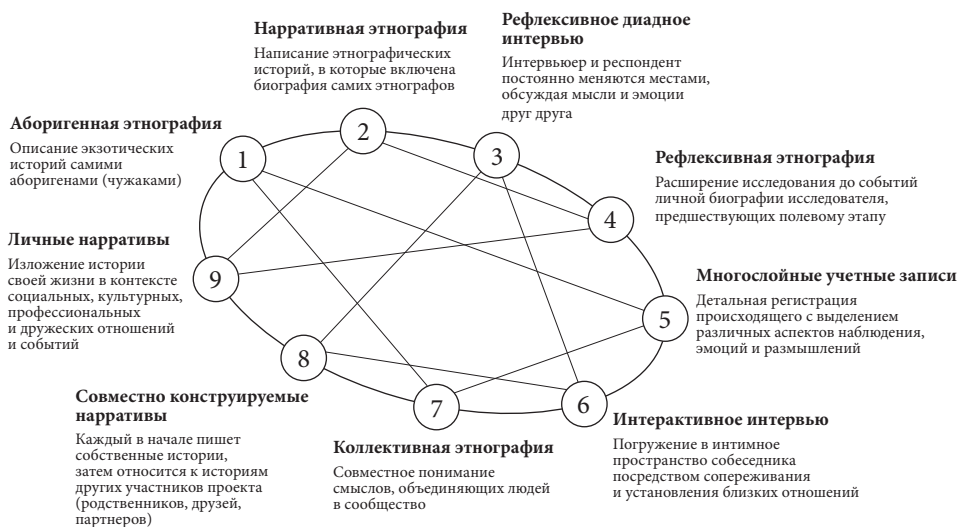

Рис. 2. Формы автоэтнографии, по К. Эллис, Т. Адамсу и А. Бочнеру (Ellis, Adams, Bochner, 2011; Adams, Ellis, 2012: 202–204)

Диктат биографического изложения подготовленных для этого летописцев нарушается в автоэтнографии пониманием того, что этнографами могут стать изучаемые люди, изменив свой статус с объекта на субъект исследования (Bagnoli, 2004). Аборигенная этнография — это де-объективация этнографического проекта, в котором жизненные истории рассказываются и фиксируются самими аборигенами. Исследователь выступает лишь сборщиком, архиватором и систематизатором биографического материала, стараясь минимизировать свое вмешательство в его создание и структурирование. Обозначим это направление первым блоком автоэтнографического исследования (метод 1–5–7, рис. 2).

Зафиксировать нормативным образом невмешательство в биографическое письмо — наивное заблуждение классиков этнографии, связанное с первыми попытками преодолеть доминирующую позицию белого, образованного, с хорошим (относительно информантов) достатком исследователя. Столкнувшись с непреодолимыми затруднениями для достижения нейтрального представления жизненных рассказов другого, Эллис, Адамс и Бочнер предлагают заменить нормативный подход на архивный. В последнем от исследователя требуется лишь фиксация происходящего, детальная регистрация событий, фактов, личных эмоций и впечатлений, сопровождающих исследование. Многослойные учетные записи выступают своеобразным гарантом качества автобиографического проекта, поскольку раскрывают особенности взаимодействия в ходе конструирования биографии.

Не менее серьезной опасностью для валидности аборигенной автоэтнографии становятся особые отношения, устанавливаемые между исследуемым и исследователем. Доверие и сопереживание не только создают атмосферу включенной беседы, но и значительно смещают понимание в сторону разделяемой собеседниками интерпретации происходящего. Коллективная этнография, практикуемая как совместное письмо, разнородные интерпретации событий, с точки зрения многих участников, не только выступающих свидетелями, но и берущими на себя роль авторов исследовательских текстов, позволяют преодолеть эту проблему (см. ниже о совместно конструируемых нарративах). Так, аборигенная этнография вкупе с многослойными учетными записями и коллективными этнографическими практиками создает основу для автоэтнографического проекта, преодолевающего за счет объективирующего исследовательского дискурса.

Второй блок автоэтнографических форм, предложенных Эллис, Адамсом и Бочнером, относится к нарративному анализу биографий (метод 2–4–9, рис. 2). Прежде всего это нарративная этнография (Block, Weatherford, 2013; Henson, 2013), которая охватывает жизненные истории всех участников исследовательского проекта: ключевых информантов, случайных свидетелей, прохожих, представителей экспертного сообщества и самих этнографов. Нарративная этнография держится на утверждении, что в жизни нет ничего случайного, любые биографические конфигурации, стечение обстоятельств или минутные встречи могут играть важную роль в конструировании понимания культурных и социальных феноменов. Отсечение шума и выделение важных элементов личного опыта нельзя доверять

какому-либо этапу исследования. Следует постоянно возвращаться к прошлым событиям, интерпретируя и видоизменяя их исходя из приобретенного на данный момент опыта.

Следование правилу тотальной фиксации значимых событий, независимо от осознаваемой их уместности или неуместности текущему описанию, отражает специфику рефлексивной этнографии (Hamati-Ataya, 2013). Мы не можем гарантировать, что через какое-то время помеченные в качестве нерелевантных события не окажутся важнейшим ключом к пониманию происходящего. Основной критерий регистрации биографических нарративов — это их целостность и законченность, возможность пересказать какому-либо стороннему участнику в качестве поучительной истории, анекдота, забавного или трагичного случая. Наибольший интерес в этом наборе представляют знаковые истории, переломные моменты судьбы, когда понимание происходящего достигает наивысшей точки (epiphanies). Порой выражаясь в экзистенциальных внутренних кризисах или сильных потрясениях, вызванных внешними обстоятельствами, такие переломные моменты создают контекст для дальнейших интерпретаций биографии (Bochner, Ellis, 1992; Goodall, 2001; Denzin, 2014). Исследователь связывает свое прошлое с исследованием, приводя аргументы, старается раскрыть их биографическую основу, тем самым снимая недомолвки и ложные толкования происходящего или написанного. Рефлексивная этнография радикально расширяет границы исследования, что ведет к доминированию личных нарративов над объективированными объяснительными схемами, сближает научный и поэтический тексты.

Третий блок автоэтнографических форм относится к интервьюированию. Хорошо выполненная автобиография нуждается в собеседнике (метод 3–6–8, рис 2). Рассказывая о себе, очень трудно удержаться от соблазна уйти в детали, не споткнуться на каких-то событиях, не устать и не потерять интерес к дальнейшему изложению. Интервьюер становится инструментом для активизации внимания. Он обозначает трудные места, подталкивает к построению аргументации, содействует формированию связного и объясненного в нарративе прошлого. Эллис, Адамс и Бочнер упоминают о двух типах интервью: рефлексивном диадном и интерактивном. В первом — собеседники постоянно меняются ролями. Личные истории интервьюера не менее важны в разговоре, чем истории респондента. Они создают контекст понимания, формируют диадный нарратив, раскрывающий особенности конструируемого в интервью прошлого. В свою очередь, второе, интерактивное интервью направлено на формирование доверительного пространства. Даже профессиональные и экспертные области требуют для корректной интерпретации включения более широкого биографического контекста. В интерактивном эмпатическом интервью автобиографический метод начинает работать только через соединение интимного и приватного с социальным и публичным. Создавая терапевтический эффект (Kiesinger, 2002; Holman Jones, Adams, 2014: 102), сохраняя и оберегая нарративную целостность жизни, исследователь активно участвует в разрушении искусственного деления жизни на отдельные сегменты: работу, учебу,

семью, отдых и т. д. Любые внешние, навязанные социальными нормами суждения подвергаются сомнению, регистрируются и описываются как внешние категориальные схемы.

Совместно конструируемые нарративы — это предельная форма автобиографического интервьюирования, в которой участники коммуникации не только обмениваются устными или письменными репликами, но и включаются в редактирование и дописывание реплик собеседника. Важнейшие места сохраняют авторский стиль, но блоки, формирующиеся в ходе беседы (актуальной или отложенной во времени), уже не могут быть отнесены к авторству какого-либо участника и представляют коллективный нарратив.

До 2000-х годов личные истории, автоэтнографическая работа понималась как занятие одиночек. Представлялось, что само название требует развития исключительно индивидуального мастерства. Однако сперва робко, затем вполне обыденно и прозаично в научных публикациях начали предлагаться описания коллективной и коллаборативной автобиографии и автоэтнографии (Ngunjiri, Hernandez, Chang, 2010; Cann, DeMeulenaere, 2012; Chang, Ngunjiri, Hernandez, 2012; Chang, 2013; Griffin, 2014; Wyatt, Adams, 2014; Martinez, Merlino, 2014; Pensoneau-Conway, Bolen et al., 2014; Zapata-Sepulveda et al., 2014). Кэролин Эллис во введении к монографии, посвященной методике автоэтнографической работы, описывает свой опыт коллективного письма:

«Наиболее впечатляющим стало то, как они (соавторы) смоделировали совместное написание текстов. Они сказали мне: «Нам не нужен литературный редактор. Просто изменяй то, что считаешь нужным». Вначале меня это беспокоило, но я включилась, и мы свободно редактировали друг друга много раз. В результате, я считаю, получился интегрированный текст, прекрасно отражающий три голоса» (Adams, Jones, Ellis, 2014: ix).

Тони Адамс, Стеси Джонс и Кэролин Эллис подчеркивают важность полифонии и разнородных, разнонаправленных повествовательных потоков. С точки зрения содержания это выражается в перемешивании личного опыта и культурных установок, практик, событий; в сопоставлении опыта исследователей и исследуемых; в балансировании между интеллектуальным и эмоциональным, должным и желаемым. С точки зрения формы — в особом акценте на примечаниях и сносках, выделении индивидуальных авторских фрагментов, которые несут самостоятельные, подчас более точные и уместные смыслы, позволяют не только раскрыть основное содержание, но и сохранить полноту и полифоничность текста.

Описание этнографических форм и приемов было бы невозможно без этнографического наблюдения за этнографической работой, своеобразной этнографии второго порядка (в терминологии Щюца) (Anderson, 2006: 381), или метаэтнографии, как ее называет К. Эллис (Ellis, 2008: 13; Sutton-Brown, 2010: 1306). Возвращение и пересмотр проделанной автоэтнографической работы, осмысление прошлых аргументов становится частью ремесла этнографов и особым механизмом,

позволяющим выявлять и описывать методологию и методику исследования. Так, за одной монографией (Ellis, 2003) следует другая (Ellis, 2008), критикующая, анализирующая, оберегающая от забвения результаты первой.

Хиван Чанг, рассуждая о методологии автоэтнографического исследования, подчеркивает двойственность этого проекта. С одной стороны, его можно определить как сверхиндивидуальное и личностное предприятие, с другой — как сверхсоциальное, требующее не только рассмотрения широкого культурно-исторического контекста, но и подбора для его реализации порой весьма многочисленной исследовательской команды (Chang, 2013: 107). Х. Чанг выделяет четыре этапа автоэтнографического исследования: 1) принятие решения о предмете и методе, 2) подбор материала, 3) осмысление найденного и 4) написание этнографического текста (рис. 3).

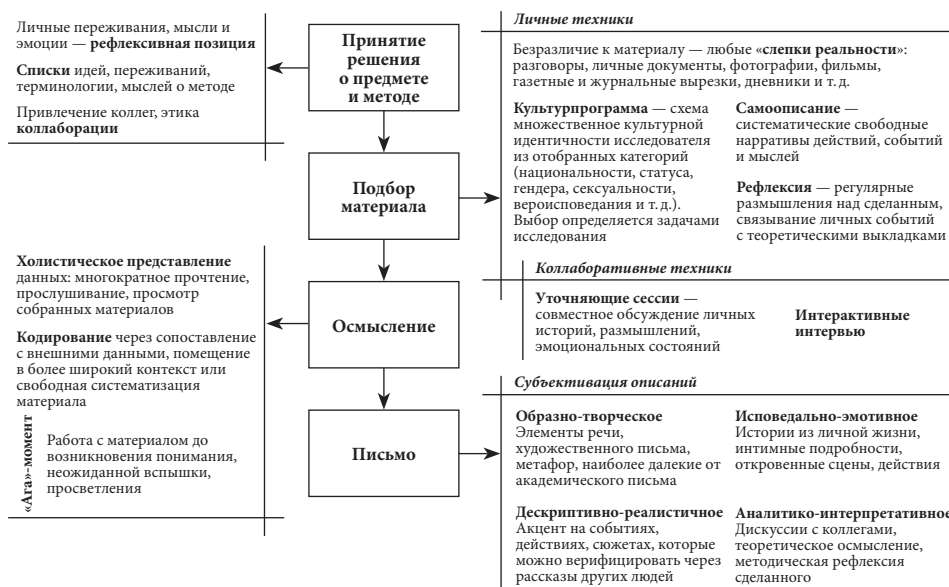

Рис. 3. Этапы автоэтнографического исследования, построенные по Хиван Чанг (Chang, 2013)

Попытавшись придать методическим размышлениям классический линейный вид, Х. Чанг завершает публикацию заявлением об искусственности такой последовательности (Chang, 2013: 117). В действительности исследователь намного свободнее в принятии решений и выборе методических приемов, не говоря уже о проектировании своей активности и приписывании ей того или иного этапа (Chang, 2008). Линейность изложения скорее задается необходимостью структурировать методические приемы, придать тексту логическую завершенность и непротиворечивость. В реальном исследовательском проекте достижение такой однозначности не часто, и скорее может быть отнесено к удаче, счастливому случаю, нежели

закономерному последствию от правильно построенной исследовательской стратегии. Понимание ситуации становится гораздо важнее процедур, приводящих к нему. Х. Чанг называет состояние такого понимания «ага-моментом», когда все встает на свои места, а чувство неудовлетворенности и беспомощности сменяется на эйфорию и ликование от неожиданно сложившегося пазла. Важно ухватить, не упустить этот момент и вовремя связать системообразующую идею с плодами многодневного труда по разбору собранного материала, кодированию и составлению объяснительных схем.

«Аналитический процесс раскрытия и группировки данных — лишь способ приблизиться к пониманию (meaning-making), но никак не может заменить его. Понимание — это все равно что рассматривание отдельных фрагментов данных на некотором фоне и осознание смысла последних как в отношении других фрагментов, так и более широкого контекста. Для понимания также необходимо представление о том, как данные связаны с реалиями участников исследовательского проекта, других людей со схожим опытом. Для осмысления на первый взгляд несвязанных данных исследователь должен отстраниться от деталей и увидеть более широкую картину, услышать полутона, ощутить запахи, которые упакованы в данных. Читая чужие работы, вновь и вновь просматривая записи, прибегая к интуиции для того, чтобы из воздуха получить нечто и представить, что оно значит, исследователь достигает „ага-момента“, когда начинает видеть контуры данных, которых не было до этого, соединять разрозненные ранее фрагменты» (Chang, 2013: 116).

Из отмеченных Эллис, Адамсом и Бочнер девяти форм автоэтнографии (см. рис. 2) Чанг явно называет лишь одну — интерактивное интервью. Еще две можно сопоставить по контексту. Уточняющие сессии Чанг вполне соотносятся с коллективной этнографией как одна из ее форм, а техники самоописания, рефлексии и составление культурограммы — с рефлексивной этнографией и многослойными учетными записями (см. рис. 2 и 3). Но в отличие от предыдущих авторов, Чанг определяет эти подходы лишь как часть исследовательского проекта, направленного на сбор материала. Автоэтнография вовсе не заканчивается на хорошо спланированном и реализованном автобиографическом нарративе. Не менее важная и очень сложно формализуемая задача — их анализ и корректное представление (Anderson, 2006). Поэтому осмысление и написание этнографического текста должно подвергаться не меньшей рефлексии, чем фиксация автобиографии.

Стеси Холман Джонс

Пронзительные голубые глаза, открытая улыбка, удивительный голос. Поразительно, но в эпоху интернета кажется, что трудно увидеть, услышать, почувствовать человека из другого поколения, континента, из другой жизни.

Профессор факультета коммуникативных исследований Калифорнийского университета в Нортридже (Department of Communication Study, California State

University at Northridge). Три диссертации по смежным дисциплинам: распределенные исследования (программа обучения построена на границах дисциплин, *distributed studies*), коммуникативные исследования (*communication studies*), разговорная коммуникация (*speech communication*). Бакалаврская — 1988 год, Университет штата Айова; магистерская — 1996 год, Калифорнийский университет в Сакраменто; докторская — 2001-й в Техасском университете в Остине.

Разработала, читала или читает курсы в магистратуре по этнографии коммуникации, истории и теории коммуникации, перформативному искусству, перформативному социальному сопротивлению, качественному интервью; в бакалавриате — «Коммуникация, гендер и идентичность», «Поэтический перформанс», «Риторика социальных изменений», «Письмо как перформанс». Состоит в редакционных советах четырех уважаемых академических журналов: «*Kaledoscope: A Graduate Journal of Qualitative Communication Research*» (с 2002), «*Liminalities*» (с 2005), «*Text and Performance Quarterly*» (с 2005), «*Women and Language*» (с 2010). Участник и координатор десятков инсталляций и арт-событий. Отсюда и курсы по перформансам. Все рассказы от первого лица, непосредственного участника, организатора, свидетеля.

Бабушку С. Холман Джонс звали Бернис. Ее и старшего брата взяли приемные родители, когда она была совсем еще малышкой. А младшего, Джима, усыновили в другой семье. Она нашла его потом, когда повзрослела. Бедовый, всегда нуждался в деньгах, в новом месте, новой семье. Бернис ему помогала, пока не потеряла из виду. Ее отец жил в маленьком городке в штате Айова. Бабушка хотела увидеться, познакомиться с мужем, рассказать, что понимает его отказ от троих детей, когда «жена любила виски больше, чем своих чад». Но муж отказался поехать. Для нее было важно знать отца и знать, откуда она, кто она. Стеси бесплодна, поэтому рассказ о приемных детях — это не только история ее бабушки. Это и ее жизнь, частичка которой стала необходимой для понимания, исследования состояния и последствий усыновления, удочерения (Holman Jones, 2005). Научная работа, защита диссертации, переезды, написание текстов — все связано с постоянным вопросом к себе и врачам о возможной беременности. Попытки, поиски решений, помощи. Многочисленные физиологические тесты не выявили никаких отклонений. Принятие наркотиков, по совету одного из докторов. В 35 она решается на приемного ребенка, девочку-корейку... Долгая переписка с социальными работниками. В результате берет в семью мальчика...

Стеси — специалист по квир-теории, существенно расширяющий границы квира. Не обязательно обращаться к телесности, чтобы ощущать свою непохожесть, ненормальность, внеобыденность:

«Я считаю себя автоэтнографом, постановщиком, писателем и критическим интеллектуалом. Моя работа включает квир-теорию, но квир — не центральная тема работы или моей профессиональной идентичности. Опыт — основа моей работы. Если я отношусь к квир-сообществу, я знаю квир-теорию, пра-

вильно? Как посмотреть, я принимаю обе опции: мой опыт — квир-теория, а квир-теория — это я. Выбираю критическую вовлеченность — в текст и в мир — в центре и на периферии, в опыте и теории» (Holman Jones, Adams, 2010a: 136).

По мнению большинства автоэтнографов, поэтический язык точнее передает незавершенность, неясность, неопределенность ситуации (Hanauer, 2012). Отсюда многочисленные метафоры и фигуры речи в текстах С. Холман Джонс, скорее подталкивающие к размышлению, нежели предлагающие законченную концептуальную схему. Личная жизнь как ключ к пониманию социального, прикосновение к общему, через интимное переживание, фиксацию опыта и сравнение себя с миром других.

Автоэтнография — это квир

Не раз подчеркивалась радикальная субъективность биографического поворота в гуманитарном знании (Neumann, 1996: 189). Написание мемуаров и фиксация для потомков истории повседневности — лишь первый шаг к легитимации автобиографического письма. Далее следуют размышления об идентичности, конструировании настоящего через прошлое, анализ культурных паттернов и норм (Reed-Danahay, 1997; Ellis, Bochner, 2000). Так автобиография становится автоэтнографией, или осмысленной и отрефлексированной индивидуальной оптикой на социальное и культурное окружение. Радикализм заключается не только в отсутствии стремления к универсальности заключений, но и в фиксации любых общих, оторванных от контекста высказываний как нерелевантных, невалидных текущему исследованию. Более того, автоэтнография в неменьшей мере есть манифестация своего места в мире и через этот манифест утверждение легитимности разнообразия (Adams, Holman Jones, 2011: 109). «Написание автобиографических текстов изменяет мир», — пишет Стеси Холман Джонс (Holman Jones, 2005b: 765), а исследователь становится «агентом этих изменений» (Denzin, 2003: 237). Возможно, этим биографический метод привлек внимание исследователей нетрадиционной ориентации. Из всех методологических подходов и школ биографический метод наиболее часто развивается людьми, нарушающими традиционный социальный уклад, отказывающимися от участия в «нормальном» течении жизни. Описание жизненных историй, автобиографических заметок и размышлений позволяет открывать свой мир другим, становиться видимым, а значит, понятным и осмысленным в текущем социальном контексте (Plummer, 2005). Автобиография — одновременно мотивация к действию и само действие по конституированию личной идентичности (Smith, 2005), актуализации значимости выбранного пути:

«Вопрошающая автоэтнография, квир-теория и рефлексивность открывают пути, которые мы — как учителя, писатели, исследователи, активисты и люди — пытаемся документировать, описывать или освещать, ослабляя

разрушительные социальные практики, случаи насилия и попытки утверждения желаемой „нормальности“. Например, вскоре после того, как мы поделились автобиографическими описаниями со студентами, они стали приходить к нам в офис и делиться как собственными историями о лесбийском, гомосексуальном или свинг-опыте, так и страхами от самой возможности их изучения. „Я ни к кому не смогу подойти с этим“, — сказал один; „мои родители отрекутся от меня“, — вторила другая; „ваша работа позволяет мне проводить исследования и писать о них“, — сказала третья; „я опасался проявлять инициативу в исследовании, я думал, что слишком мало знаю, что для начала мне нужно поработать, но теперь я вижу, что могу откинуть эти опасения и пойти на риск“. Автоэтнографичность означает раскрытие политизированных, практических и культурных историй, которые вызывают отклик у других и мотивируют их к рассказу собственных, создают общность, возможности совместного переживания в рассказе. Квир — это возможность говорить о ситуациях жестокости, исправлять мир одного человека, семьи, студенческой группы... Рефлексивность — значит способность слушать то, что замалчивается, воспринимать истории, которые мы не можем рассказывать, — неполные, неясные, незаконченные; возвращаться снова и снова к тому, что сложно понять сразу» (Adams, Holman Jones, 2011: 111–112).

Тони Адамс и Стеси Холман Джонс утверждают, что автоэтнография — это квир, а биографический метод может быть адекватно осмыслен лишь в рамках квир-теории (Adams, Holman Jones, 2008; Holman Jones, Adams, 2010b), которая, в свою очередь, чаще всего описывается в жанре «радикальной автобиографии» (Hall, Jagose, 2012; Wilchins, 2014). Речь идет не только о гомосексуалистах, транссексуалах, транссвеститах, ЛГБТ-активистах и т. д., но и о любой манифестации иного, отличного от доминирующего в обществе отношения к себе, своему телу, окружению. Квир-теория в таком толковании — это концептуальное описание поведенческого разнообразия, поэтому ключевыми понятиями выбираются текучесть, неустойчивость, подвижность и свободный выбор во всех без исключения аспектах жизнедеятельности. Автоэтнография — «это инструмент транзитивности»:

«Вместо того чтобы соглашаться или отрицать какие-то положения, принимать решения о форме, субъекте, цели и ценности автоэтнографии раз и навсегда, мы, вслед за Сандовал (Sandoval, 2000: 184), провозглашаем „дифференциальную“ методологию, нацеленную на тактические шаги и помогающую осмыслить изменения в фундаментальных основаниях жизни, знаний и действий в нашем мире» (Adams, Holman Jones, 2008: 378).

В такой интерпретации биографический метод перестает рассматриваться как набор подходов к проведению интервью, написанию мемуаров или сбору сведений о прошлом, а автобиография — как всего лишь один из разнообразных приемов, позволяющих актуализировать воспоминания. Автобиография — это оптика рассмотрения социального, широкая методологическая рамка, определяющая

согласование внешних событий и внутренних переживаний. Автобиография — не частный метод, а методология (Gingrich-Philbrook, 2005: 298; Adams, Holman Jones, 2008: 375), что позволяет говорить об автобиографической школе, или направлении (в куновском понимании).

Адамс и Холман Джонс выделяют три особенности автоэтнографического исследования, которые сближают его с квир-традицией, позволяют говорить о квирной автоэтнографии: 1) понятийная неопределенность и концептуальная эластичность, невозможность построения концептуальной картины мира, фиксации жизни в наборе схем; 2) идентичность как достижение, формирование себя, преодоление доминирования общего, нормативного, надындивидуального; 3) политика соглашений, формирование социального через понимание индивидуального, телесного, личностного (рис. 4).

Рис. 4. Квирная автоэтнография по Т. Адамсу и С. Холман Джонс

В квир-традиции автоэтнография — это инструмент формирования и поддержания мировоззрения. Когда идентичность эластична, трансформируема, не ограничена теми или иными рамками, нет иного способа удержания себя, чем постоянное воспроизводство согласованных с другими представлений о настоящем и прошлом. Адамс и Холман Джонс подчеркивают ошибочность связывания квир-теории с конструктивизмом (Adams, Holman Jones, 2008: 381). Противопоставление примордиального и конструируемого, по мнению сторонников квир-теории, создает напряжение там, где нет ни жизни, ни смысла. Незачем проводить различия между историями и теорией, эмоциями и объяснениями, поиском и представлением, эстетикой и знанием. Нужно лишь принять описание предлагающее стройную историю, которая и есть теория (Holman Jones, Adams, 2010a: 137). Лишить теорию прочного концептуального каркаса, дать жизнь рассказу о жизни — девиз автоэтнографии.

На первый взгляд подобная словесная эквилибристика запутывает, мешает сосредоточиться, лишает возможности систематизации и обобщения. Допустим так. Но достаточно отказаться от привычных понятийных конструкций, чтобы увидеть красоту, изящество и проницательность квир-теоретиков. Всерьез говорить о недостижимом — дано не каждому.

Андрей Николаевич Алексеев

С Андреем Николаевичем я познакомился на первых или вторых Голофастовских чтениях в Петербурге. На фуршете все балагурили, подходили, обменивались репликами, только он сидел в сторонке с бокалом вина, а может, и сока (сейчас уже не помню), один. Смотрел и улыбался. Такой цепкий и одновременно добрый взгляд, фотографический. Я подошел, разговорились. Напросился на подарок — тогда только что вышедший последний том (Алексеев, 2005b) четырехтомника по драматической социологии...

Андрей Николаевич родился в 1934-м в Ленинграде, в 1956-м окончил филологический факультет Ленинградского университета, в 1970-м защитил кандидатскую диссертацию в Новосибирском университете. В начале 1960-х работал вальцовщиком и электролизником, в 1980-х — станочником-наладчиком. Дважды уходил в рабочую среду, не ради экзотики или романтических ожиданий, а чтобы «познать „вкус собственной правоты“ не снаружи, а изнутри бригад коммунистического труда» в 1960-х, «изучать производственную жизнь изнутри», быть ее частью (Алексеев, 1997). Хотя позднее А. Н. Алексеев напишет, что исследовательский мотив был для него скорее идеологическим прикрытием, «а под ним, в личностном ядре — тот же кризис профессиональной и — шире — беловоротничковой идентификации, ну и поиск новизны, может быть, авантюризм, достаточно позднее (в 1980-м мне было как-никак 46) самоиспытание, пожалуй» (Докторов, 2014a). Поиск и понимание себя, а через это постижение социальных реалий — основной мотив экспериментальной активности и теоретических интуиций Алексеева, сближающий его с представителями квир-традиции. Быть другим, развивать и оберегать личные убеждения, стиль мышления и письма, представлять в предельной искренности и открытости свои доводы возможным собеседникам, без скидки на должность, социальный статус, возраст и пол — в этом и заключается автобиографическая методология современных квир-теоретиков. Интимность может быть обнаружена не только в личной, приватной жизни, что и нашло отражение в «драматической социологии»:

«В нашем случае исследователю важно было не столько узнать какую-либо деталь личной биографии своих новых товарищей, отдельное мнение и т. д., сколько уловить общую атмосферу, настроение коллектива, отношение к труду, выраженное в поступках, а не в словесных заявлениях, и т. п. „Скрытая камера“ социолога, как нам представляется, направлена не на отдельного человека, она не посягает на его „интим“. Другое дело — „интим“ группы, кол-

лектива. Но это то, что люди считают возможным обнаруживать друг перед другом в процессе труда и досуга, что, если и скрыто, то не от того, кто разделяет с ними этот труд и досуг» (Алексеев, 2005b: 169).

В традиции автобиографического письма все перипетии судьбы, переписка, методические штудии А. Н. Алексеева изложены в его публикациях (Алексеев, 2003a, 2003b, 2005a, 2005b; 2007, 2012a, 2012b, 2012c; Алексеев, Ленчовский, 2010). Компактная навигация прошлого опыта представлена в двухчастном интервью с Б. З. Докторовым (Докторов, 2014a, 2014b), а текущая активность, после увольнения из Социологического института РАН, отражена на сайте Когита.ру, где Андрей Николаевич ведет практически ежедневный блог, размещая все материалы, попадающие в фокус его внимания. Отчетно-ориентированная активность социологических институтов РАН за эти годы как никогда приблизилась к фарсу, потому массовый исход профессионалов из этих бюджетных учреждений вполне объясним и понятен. В свою очередь, самостоятельная, без оглядки на директивы, планы и отчеты деятельность Алексеева хорошо сочетается с его неизменным стилем независимого, самостоятельно определяющего профессиональные цели и задачи исследователя.

Драматическая социология?

А. Н. Алексеев никогда не относил свою работу к автоэтнографии. Скорее всего, не читал соответствующие работы, не мыслил себя, свои исследования в одной традиции, например, с работами Тони Адамса или Стеси Холман Джонс. Здесь я допускаю сильный волюнтаризм, и в отличие от отечественных научных сотрудников¹, напрямую связываю теоретические, методические и прагматические построения Андрея Николаевича с автоэтнографией. Другими словами, драматическая социология Алексеева — это не что иное, как российское направление автоэтнографии (рис. 5). В центре проекта стоит исследователь со своими суждениями, идеями, жизненными проблемами, мечтами и иллюзиями. Его научная деятельность разбита на восприятие реальности, структурированное и встроенное в весьма гибкие и изменяющиеся рамки этнографического подхода, и на представление полученных результатов другим. Последнее выполняется в жанре леви-строссковского бриколажа, в котором допустимы любые смешения стилей, авторов, сюжетов, если они приближают к пониманию ситуации. В таком пространстве диада восприятия и представления весьма неустойчива и дополняется самой жизнью, а точнее,

1. Публикаций об автоэтнографии на русском языке немного (Готтлиб, 2004a, 2004b; Багдасарова, 2008), и все опираются на фрагментарно усвоенный зарубежный опыт, отказывая отечественным исследователям в праве на самостоятельные поиски теоретического и методологического языков описания. Внедрение обиходных слов английского через фонетическое письмо (например, *story telling* подается русскоязычному читателю как «сторителлинг» (Мозжегов, 2013; 2014)) создает иллюзию научного, объективированного знания там, где первоначальная теоретическая интуиция опирается на обыденный опыт и повседневный язык.

смещением жизни и работы, профессии и призвания (сказали бы ранее, пока эта оппозиция не стала слишком вульгарной из-за частого цитирования).

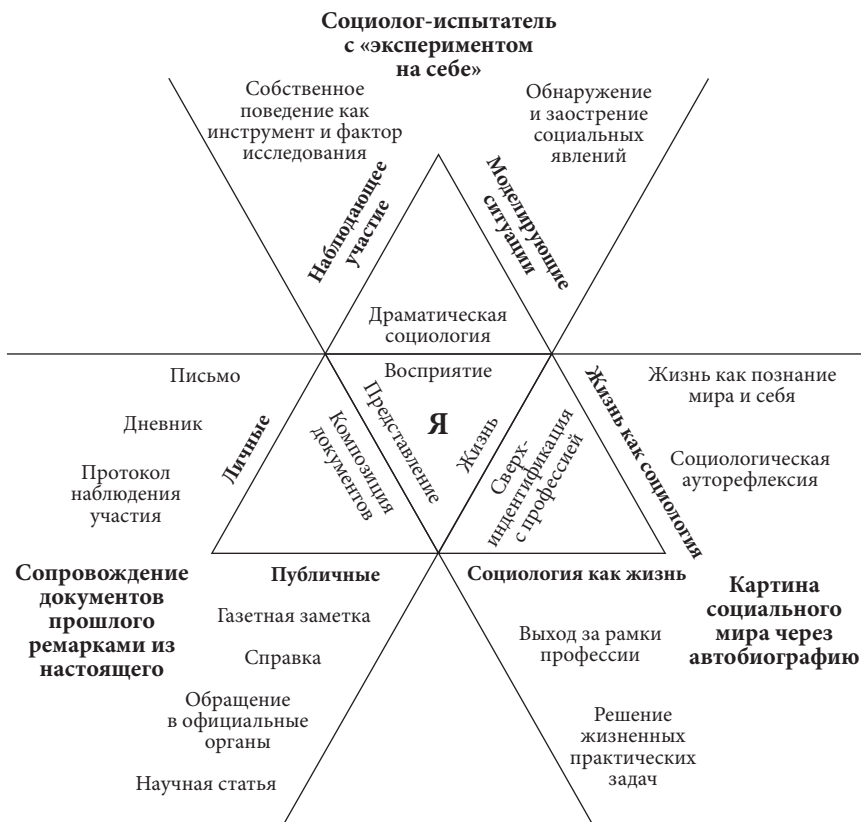

Рис. 5. Драматическая социология Алексеева

Драматическая социология строится на двух методически взаимосвязанных приемах, указывающих на эксперимент над собой: 1) наблюдающем участии и 2) моделирующих ситуациях. Первый описывает позицию исследователя, в которой он проводит фиксацию своей повседневной деятельности и реакции на нее окружающих. Второй относится к особой экспериментальной установке, осмысленной провокации, направленной на обнажение затруднений, непониманий и противоречий в социальном порядке:

«...наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «из-

нутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом моделирующих ситуаций. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса» (Алексеев, 2003а: 13).

Наблюдающее участие — своеобразно осмысленный метод включенного наблюдения. Несмотря на категоричность утверждений о создании нового метода, противопоставлении его «включенному наблюдению» (Алексеев, 2005b: 167–169; 2012а: 16), перед нами все тот же классический подход к полевой этнографической работе. Утверждения о «новшестве для мировой социологии» (Алексеев, 2005b: 20), «почвенническом постмодернизме мужественного правдоискательства», «открывающего новые поля в сумраке методологических проблем» (Бачинин, 2011: 153, 156), скорее выглядят комичными и местечковыми, снижают эвристическую значимость проделанной методологической работы, нежели открывают новые исследовательские горизонты.

Вторая область исследовательского труда — представление материалов заинтересованным лицам, в том числе и самому себе. Литературный жанр дополняет исследовательский, без него невозможны фиксация и осмысление происходящего. Последнее понимается как работа с «композицией документов», в которой важно не столько содержание попадающих в рассмотрение записей, сколько их взаимное расположение, порождающее контекстуальные эффекты. Алексеев, в точности следуя этнографической традиции, не выделяет документы по их значимости или ценности. Последнее определяется исключительно расположением в совокупном тексте, или композицией авторского нарратива:

«Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник („протокол наблюдающего участия“), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный „след“ биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл социологического свидетельства. Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода монтаж...) выступает способом первичной концептуализации, а в определенной мере — также и анализа, и осмысления» (Докторов, 2014а).

Личные документы промежуточны, необходимы для поддержания текущей исследовательской активности. От «коммуникации для себя» к «коммуникации другому лицу и для других» (Алексеев, 2007: 47). Дневники, письма, наконец, самое важное — детальные протоколы наблюдения участия — то, что Эллис, Адамс и

Бочнер называют многослойными учетными записями (рис. 2). Только организовав и систематизировав язык описания происходящего, составив систему каталогизации, позволяющей проводить фиксацию мельчайших деталей личного опыта, исследователь существенно снижает риск пропустить важное и необходимое для дальнейшего осмысления. Последовательные шаги по написанию и компоновке текстов приводят к переходу личных документов в публичные. Тотальная открытость, отсутствие редактирования, а лишь система последующих примечаний и ремарок определяют фирменный стиль Алексеева. Это сближает его методологию с англо-американской этнографической традицией возвращения к работе без редактирования ее результатов, а лишь с детальным описанием текущей интерпретации прошлых усилий (Ellis, 2008).

Наконец, подчинение себя плану исследования, отказ от деления жизни на работу и отдых, коллег и семью, увлечения и профессиональные навыки, приводит к формированию третьего жанра жизни, в котором главное действующее лицо целостно и неделимо в своей идентичности.

«Как случилось, что Ты попал в самый излом нашей внутривнутриполитической жизни, что ее противоречия встают для Тебя не из учебника, сообщающего очень правильные вещи об обществе, сложностях его жизни и сложностях развития, — то, что для многих так и остается «знанием-вещью», поскольку они не видят себя в обществе и общества в себе, точнее — все видят как вещи, которыми нужно обмениваться (и при этом глядеть, чтоб не надули!). Как случилось, что эти самые сердцевинные противоречия суть противоречия Твоего собственного жизненного пути; что попались они Тебе на экзамене личной судьбы, и их разрешение — в самой Твоей личности, в Твоих ответах, для которых не существует шпаргалки, личностных ответах, циркулирующих в вещном знании чужих вопросов и отчужденных ответов?»

Почему все это случилось — можно представить себе только тогда, когда начнешь читать историю общества как историю судеб людей, а написанную Тобой для отдела кадров автобиографию — как одну из тех судеб, что не просто складываются в общественной жизни, но несут эту жизнь в себе.

«Есть пропасти и есть люди — мосты над пропастями...» (Алексеев, 2003b: 131).

«Жизненная ауторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а — систематической, универсальной и осознанной. И «история собственной жизни» есть повод, или основание, или стимул — для «размышления о жизни» (Алексеев, 2007: 50).

«Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, воли — внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т. д. биография)» (Алексеев, 2012b: 18).

Идентичность может изменяться, но практики детального протоколирования позволяют сохранить и проследить все мельчайшие трансформации личных представлений, суждений, мировоззренческих позиций. Алексеев пишет, что ему под-

час стыдно за свое юношеское увлечение партийной идеологией, неререфлексивное следование циничным и бесчеловечным партийным директивам. Но он не отказывается от прошлого, не вымарывает документы, а лишь создает приписки и комментарии, позволяющие читателю объемнее представить становление исследователя, изменение его мировоззренческой позиции при сохранении методического аппарата.

Автобиографическое письмо — жанр жанров Алексеева, объединяющий и задающий особенность и авторский стиль всего произведения. Роль автора не тотальна и не доминирует над текстом, у которого множится авторский коллектив участвующих свидетелей жизненного эксперимента. Так реализуется коллаборативная этнография, которую Андрей Николаевич называет «литературным жанром», допускающим множественность и многоголосие плана выражения.

Единственное явное отличие исследовательской траектории А. Н. Алексеева от его западных (пусть и неявных) коллег-этнографов — отсутствие последователей, преемников, развивающих предложенную методологию. Там, где требуется критика методологической оптики, расширение тематического репертуара, включение новых отчаянных экспериментаторов, наблюдается лишь самоотверженное противостояние гения Алексеева миру и себе. Из основных текстов мы ничего не знаем ни о семье, ни о близких друзьях, ни о сподвижниках и учениках². Этот пласт биографии подчинен служению динамично развивающегося «эксперимен-

2. Если рассматривать совокупный публикационный поток, связанный с жизнью и творчеством Алексеева, мы безусловно обнаружим множество помет и сюжетов, имеющих непосредственное отношение к жизни и судьбе автора. Это и автобиографические заметки о своем роде, начиная с XIX века, и записи супруги — Зинаиды Вархловской, дочери — Ольги Новиковской, ее мамы (первой жены Алексева) (Докторов, 2015). Но это отдельные документы личной биографии. В композицию базовых текстов они не включены, что и позволяет фиксировать значимое отличие от западной автоэтнографической традиции, где полная биография автора разворачивается в его содержательных работах. Аналогичным образом можно составить внушительный список соучастников, соавторов драматической социологии. Борис Докторов на вскидку приводит десяток крупных исследователей: «Сергей Розет (социолог, поэт, рабочий, исходно — физик); Юрий Щеголев (социолог, физик-теоретик, профессиональной кочегар, многие годы), Борис Беликов (социолог, физик, метеоролог); Рэм Баранцев (профессор математики, лауреат Госпремии, распорядитель архива А. А. Любищева)... Это я все пишу, не обращаясь к текстам... Замечу, масса людей в „Драматической социологии“ осталась зашифрованными... а народ-то все штучный, заметный... Во второй книге „Профессия — социолог“ еще больше друзей, коллег, единомышленников... Есть у нас с Алексеевым (в рукописи) еще одно произведение — „В поисках адресата“, могу поискать... там масса наших коллег... Так что ваше суждение об отсутствии в его работах информации о семье, о близких друзьях, о сподвижниках и учениках следует принципиально уточнить... Наоборот, этот слой мощно (возможно даже кто-либо скажет „слишком“) представлен... У Алексева нет прямых учеников, сотрудников, но у него нет и профессионального одиночества... Несколько лет активно просуществовал незримый колледж: Алексеев, Докторов, Козлова, Мазлумянова, Шалин, Шляпентох (отчасти — Ленчовский и Фирсов). Да и сейчас на базе Когиты Алексеев контактирует с большим числом людей, читающих его книги и пишущих ему очень серьезные письма-эссе... Замечу, в 2014 году он публиковался в „Телескопе“, в „СЖ“ и суперактивно на Когите... Алексеев — не отшельник, не одинок, при том, что он давно не служит и в 2014 году ему исполнилось 80; время, когда многие совсем отходят от науки» (Докторов, 2015). Но речь не идет об интеллектуальном одиночестве, скорее можно констатировать отсутствие методологической критики, профессиональных суждений, направленных на уточнение и сужение предложенного методического аппарата. Драматическая социология, или архивная автоэтнография, заслуживает куда большего

та на себе». Одна из немногих, пожалуй, единственная развернутая полемическая рецензия на «драматическую социологию» опубликована в «Социологическом журнале» (Григорьев, 2003). Молодой автор (на это обратил внимание Алексеев в переписке) запальчиво, иронично, с критическим задором представил собственное восприятие проделанной многолетней работы. Текст, что чрезвычайно ценно, больше говорит не о четырехтомнике, а о его восприятии со стороны позитивистски настроенного читателя:

«Собственно, нигде перечень итогов исследования не приводится. Зато многократно подчеркивается ценность описания событий как жизненного документа. Очевидно, автор придерживается мнения, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретических представлений» (Григорьев, 2003: 180).

«Много внимания автор уделяет защите „качественных методов“. Конечно, на методологическом уровне эта полемика архаична. Она возникла тогда, когда в статистике господствовали параметрические методы, вычислительные мощности были не в состоянии справиться с математической обработкой более-менее реалистичных моделей социального мира, а математический аппарат считался непригодным (и во многом обоснованно) для работы с категориальными данными. Все это уходит в прошлое на наших глазах. „Понимание“, „субъективный смысл“ и т. п. больше не являются сущностями, противостоящими естественно-научному подходу, а успешно моделируются какими-нибудь сингулярными матричными разложениями или рядами Фурье на базе вполне измеримых характеристик» (Григорьев, 2003: 182).

«Для меня очевидно, что из ситуаций автор извлекает только то, что уже присутствует в его представлениях, хотя и не всегда замечает это из-за присутствующего ему нарциссизма. „Суди себя сам“. Психолог Сергей Ушакин так характеризует активность нарциссической личности: „Агрессия нарцисса... есть всегда ответ на удар, которого еще не было, есть всегда скрытое признание угрозы потенциальной демаркации идентичности — будь то идентичность половая или идентичность профессиональная“. Мог ли человек другого психологического типа придумать принцип вынужденной инициативы?» (Григорьев, 2003: 184).

К сожалению, представленные, порой в слишком эмоциональном и личностном формате, критические суждения были восприняты Алексеевым исключительно как оскорбления. Хорошо помню многомесячную переписку с редактором журнала Л. А. Козловой, в которой Алексеев требовал извинений и опровержений от редколлегии и/или рецензента. Не в этом ли одна из причин профессионального одиночества? Отказываясь от дискуссии, критического рассмотрения собственной методологической позиции, автор невольно конструирует образы врагов,

внимания и методической проработки, требует дотошного, пошагового разбора основных предположений и выводов, развития базовых посылок. Этого нет и не предвидится в ближайшем будущем.

которые, возможно, и определяют драматизм дальнейшего развития подхода. С этим же несколько месяцев назад пришлось столкнуться и мне, когда без ответа на методические доводы со стороны Алексева посыпались обвинения в ангажированности и продажности российских полстеров (Алексеев, 2014а, 2014б), зафиксировавших беспрецедентную поддержку населением присоединения Крыма.

В критической рецензии Л. Г. Григорьеву удалось выделить характерные черты драматической социологии, однако собственная «вычислительная» система координат не позволила ему рассмотреть авторский замысел, который вовсе не предполагает проверку гипотез, формирование заключений, построение теоретических концепций, объективацию личных историй и перенесение наблюдений на широкие совокупности. Подмеченные Григорьевым значимость протоколирования и архивации материалов, тотальная и бескомпромиссная регистрация любых жизненных документов, пролиферация авторов и участников исследовательской авантюры и акцент на личную историю как раз и составляют особенности драматической социологии как разновидности автоэтнографического подхода. Не вызывает сомнений логичность и последовательность авторского замысла, подчинившего личную жизнь исследователю и безукоризненно соответствующего общей автоэтнографической традиции. Смущает лишь выбранный язык описания, определение теоретического каркаса через литературные метафоры, отсылающие к жанру, письму, сюжету или стилю.

Ядром теоретических изысканий Алексева можно считать работу по протоколированию, архивированию и хранению жизненных документов. В результате аккуратного и систематического, подчиненного хронологическому порядку ведения документооборота Андрей Николаевич добивается создания множественных, взаимосвязанных коллекций материалов. Безразличие к формату документов, авторам, местам публикации подчеркивает жанровое безразличие коллекционера. Главное — преобразование жизни в поток источников, их систематизация и предоставление удобной навигации по собранному материалу. Авторские ремарки и комментарии, система оглавления, лаконичные обобщения и методологические заметки — лишь подчеркивают подчиненный характер любых генерализаций, основная задача которых — обслуживание собранного архива.

На мой вкус, понятие «драматической социологии» следует заменить на «архивную автоэтнографию» с последующим пересмотром всего языка описания. Тогда многое становится на свои места, и критические замечания, высказанные Григорьевым, либо находят свои логические объяснения, либо вовсе снимаются.

Архивная автоэтнография Алексева, несомненно, представляет собой весомый вклад в копилку отечественной методологической мысли. Отложенное восприятие и восприимчивость среди современников по причине неточного теоретического языка описания в таком случае с лихвой окупится в будущем, когда архивная концепция автобиографического метода будет оцениваться исходя из внутренней логики, а не посредством привнесенных литературной метафорикой домислов и ожиданий.

Леон Андерсон

Декан факультета социологии, социальной работы и антропологии Университета штата Юта. Бакалавриат окончил в Университете штата Портленд в 1980-м, магистерскую (1985) и докторскую диссертации (1987) защитил в Техасском университете в Остине. Перед защитой докторской работал журналистом в Анкоридже (Аляска). 23 года провел в Университете штата Огайо, в том числе пять лет в должности декана факультета социологии и антропологии. Известен коллаборативными исследованиями бездомности и методологическими работами о качественном подходе в гуманитарном знании.

В реферативной базе Web of Science статья Л. Андерсона «Аналитическая автоэтнография» (Anderson, 2006) помечена как наиболее часто цитируемая среди всех работ, посвященных автоэтнографии (WoS, 156 ссылок на 11.01.2015). В Гугл Академия (рис. 7), где охват изданий намного превышает указанную научную сеть, помечено 708 ссылок на статью (на 11.01.2015). Но более всего удивляет уровень цитирования четырех изданий (первое вышло в 1971) коллективной монографии, написанной Л. Андерсоном совместно с Д. Сноу, Дж. и Л. Лофландами (Lofland, Snow, Anderson, Lofland, 2005) — 6513 ссылок. Такой объем цитирования в социальных науках трудно представить. Всего, согласно Гугл Академия, Леона Андерсона процитировали в 9926 публикациях, индекс Хирша равен 20. Влияние Л. Андерсона в академической среде трудно переоценить.

Аналитическая автоэтнография и ее оппоненты

Представленные выше подходы к автоэтнографическому ремеслу опираются на метафоры эмоционального, аутентичного и правдивого представления культурных реалий через автобиографический жанр. Реконструкция культурного контекста в расширенной исторической перспективе возможна, по мнению Т. Адамса, Холманс Джонс, Н. Дензина и других сторонников эмотивного, или эвокативного (пробуждающего воспоминания) взгляда на биографический метод, через эмоциональное погружение в прошлое, восстановление деталей и мельчайших нюансов минувших событий. Леон Андерсон пишет о противоположном подходе — «аналитической этнографической парадигме» (Anderson, 2006: 374; Anderson, Austin, 2012: 133), в которой акцент делается на связывающую, объясняющую и привносящую дополнительные смысловые нагрузки компоненту.

Аналитическая позиция исследователя поддерживается тремя установками (рис. 6). Во-первых, фактической принадлежностью к изучаемому сообществу. Для представления культурных паттернов через личную биографию, следует их не только знать и разделять, но и реализовывать в поведении. Во-вторых, отсутствием недомолвок и непроговоренных, непрописанных деталей этнографической работы, что достигается посредством принципиальной открытости и публичности всех аспектов исследовательской активности. В-третьих, стремлением к теорети-

ческому осмыслению реальности опирается на отказ от какой-либо уверенности в возможности аутентичного отображения происходящего. Исследователь делает акцент на построении и критике теоретического языка описания, а не на детальном протоколе личного опыта.

Рис. 6. Пять ключевых приемов аналитической автоэтнографии по Леону Андерсону (Anderson, 2006)

В методическом разрезе три установки раскрываются через пять ключевых приемов аналитической работы. Членство в изучаемом сообществе должно подтверждаться полноправным статусом, возможностью принимать или влиять на значимые решения, принимаемые внутри группы. Теоретическое осмысление как исследовательская позиция немыслимо без включенности в теоретический анализ, при отказе от разработки концептуального тезауруса и планомерной работы по его корректировке и дополнению.

Инструментально важна установка на открытость без каких-либо компромиссов и оговорок. Открытое описание представлено у Андерсона набором из трех самостоятельных действий исследователя: аналитической рефлексивностью, нарративной открытостью исследовательского «я» и диалогом с информантом через собственный жизненный мир, систему ценностей и действий.

«В силу двойственной роли автоэтнографа как исследователя и участника изучаемого мира, автоэтнография требует особой текстуальной представленности исследовательского „я“ (self). Такая представленность демонстрирует личную включенность исследователя в изучаемый мир. Автоэтнографы должны иллюстрировать аналитические идеи посредством пересмотра как собственных, так и чужих мыслей, как своего, так и чужого опыта. Более того, они должны открыто обсуждать изменения своих убеждений и отно-

шений к особенностям прохождения полевой работы, тем самым отчетливо представляя себя как людей, преодолевающих затруднения с релевантностью членства и участия в изменчивом, а не статичном социальном мире» (Anderson, 2006: 384).

Исследователь не должен избегать и скрывать собственные суждения, создавая видимость объективного и отстраненного описания. Его задача — корректное и, по возможности, компактное представление личных убеждений, переживаний и чувств, сопутствующих исследованию. Однако основной акцент, в отличие от предыдущих подходов, делается не на точной передаче происходящего, предоставлении возможности «почувствовать чувства других» (Denzin, 1997: 228), а на аналитическом или теоретическом осмыслении и преобразовании личного опыта посредством отбираемых теоретических конструктов. Исследователь не делит время проекта на теоретическую подготовку, полевой этап и последующую обработку данных. Он постоянно находится в переходах между тремя стадиями. Тем самым происходит отклонение от традиционного реалистического взгляда на методологию социального исследования как линейного и последовательного набора операций. Вместе с тем общая эпистемологическая концепция реализма остается основой для аналитической автоэтнографии. Последняя мыслится как значимый жанр реалистической этнографии (Anderson, 2006: 378), в котором частные жизненные истории связываются с широким культурным и историческим контекстом, что невозможно выполнить без обращения к теоретическому языку описания.

Редколлегия журнала «*Journal of Contemporary Ethnography*» не стала ограничиваться публикацией статьи Л. Андерсона, передав ее для критического отзыва основным оппонентам — Кэролин Эллис и Артуру Бочнеру (Ellis, Vochner, 2006). В результате в одном номере вышли два равнозначных по объему материала, представляющих разные, но связанные не только размещением в одном журнале, но и установлением своеобразной полемики и диалога позиции. За восемь лет оба материала набрали много ссылок, однако работа Л. Андерсона начиная с 2010 года стала значительно опережать по темпам прироста цитирования критическую статью оппонентов (рис. 7). Видимо, не последнюю роль в этом сыграла не раз подчеркиваемая Эллис и Бочнером маргинальность пропагандируемого ими подхода к автоэтнографии.

Итак, две наиболее цитируемые работы (в автобиографическом методе, согласно Web of Science, дата обращения 11.01.2015) содержательно и стилистически представляют противоположные подходы к социальному знанию. Л. Андерсон развивает классические исследовательские представления, в которых центральное место занимает теория, а жизненные истории, рассказы и интерпретации необходимы для конструирования концептуальных описаний. Текст статьи выдержан в академической стилистике с отстраненным и сдержанным повествованием об особенностях автоэтнографического ремесла. Эллис и Бочнер, напротив, создают

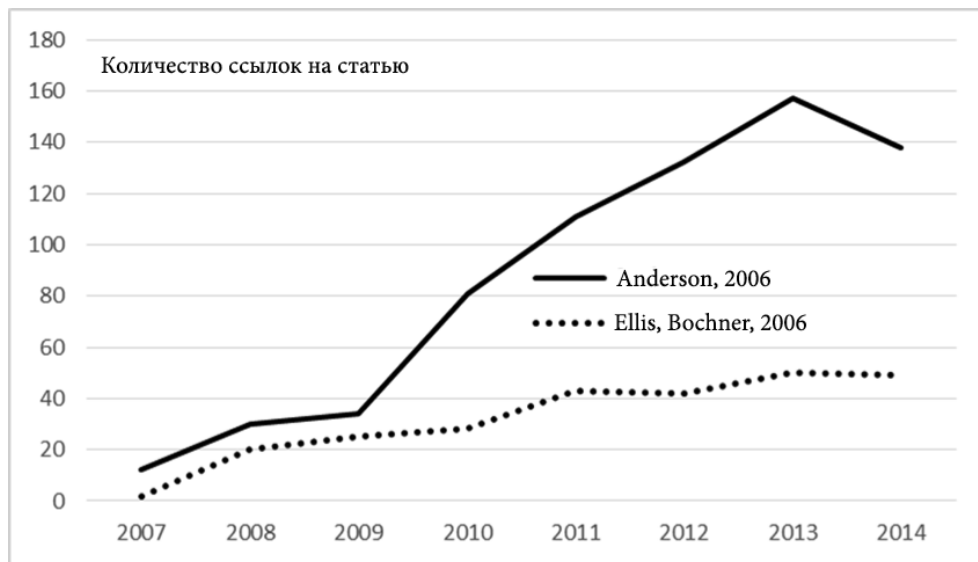

Рис. 7. Динамика цитирования двух конкурирующих статей
(источник: Гугл Академия; дата обращения: 11.01.2015)

диалоговую композицию, весьма эмоционально, с нарушением устоявшихся в научной среде канонов, предлагают читателю мотивированно спонтанный, не выраженный в схемах диалог. Одни убеждения сменяются другими, авторы высказывают сомнения в только что описанных суждениях, предлагают альтернативы, смешивают академические приемы (цитирование коллег, строгую аргументацию) с устной речью.

Статья Эллис и Бочнер начинается и заканчивается описанием того, как они смотрят телевизор. Повествование по большей части ведется от лица Эллис с включением прямых реплики Арта, как по-домашнему Кэролин обращается к своему партнеру. Критика аналитического подхода разворачивается как на содержательном, так и стилистическом уровне. Авторы усиливают свою аргументацию формой изложения, отрицающей объективированный, нейтрально выстроенный стиль изложения:

«— Может быть, это потому, что я испытываю огромные затруднения в ответе на статью Леона, — сказала я.

— Какого рода затруднения?

— Хорошо, я попробую. Я понимаю, что несправедливо сравнивать статью, написанную для этнографического журнала с сообщениями о надвигающейся катастрофе и ужасных потерях (услышанное по телевизору. — Д. Р.), но обсуждение определений и дефиниций автоэтнографии, безусловно, бледнеют в сравнении с происходящим вокруг, страданиями других, которые я чувствую всем телом. В действительности, когда я прочитала статью Леона,

я стала отстраненным зрителем. У меня отключались тело, эмоции, осталось только сознание. В ней нет никаких личных историй, чтобы вовлечь меня. Знания, теоретические построения становятся бесплотными, написанными на журнальных страницах словами, и я теряю связь с изложенным. Я хочу быть в мире опыта: чувствовать, пробовать, ощущать, наконец, жить в нем. Но Леон хочет использовать мир опыта как машину для ментальных упражнений.

— Я понимаю, о чем ты, — реагирует Арт. — Ясно, что у нас, в отличие от аналитических этнографов, совсем другие цели. Мы видим этнографию как процесс перемещения, они — как пункт назначения. Они хотят освоить, объяснить, понять. Им могут быть интересны игры в слова, которые нам вовсе не важны. Уход и сопереживание для нас и абстрагирование и контроль для них. Как ты только что сказала, мы хотим жить в потоке переживаний, личного опыта; они ищут подходящий жизненный опыт для построения абстрактных категорий, которые называют знанием или теорией.

— Я стараюсь уйти от этих категориальных различий, — ответила я.

— Но ты должна сделать некоторые различия, не так ли? Разве ты уже этого не делаешь, отвечая Леону? Как ответ может избежать различий? — спросил Арт.

— У меня есть кое-какое продвижение, но...

— И что мешает?» (Ellis, Bochner, 2006: 431)

Предлагаемый Андерсоном подход в ходе такого обсуждения не признается автоэтнографией. «Всего лишь очередной жанр реалистической этнографии» (Ellis, Bochner, 2006: 432), в котором традиция внеличного знания доминирует над опытом, переопределяет воспринятое и усвоенное в ходе повседневных встреч. Основа последних — переживание интимности, соприсутствие, соучастие в происходящем, что, по мнению Эллис и Бочнера, становится невозможным в дистанцированном, нацеленном на построение категорий знания. Не принимая различие Андерсона на эмпатическую (эвокативную) и аналитическую автоэтнографию, Эллис и Бочнер отказывают последней в автоэтнографичности:

«— Мне не нравится определение Леоном того, что мы делаем, как эвокативная (стимулирующая воспоминания, выявляющая рассуждения) или даже эмоциональная автоэтнография, — сказал Арт.

— Почему нет? Это то, что мы сами делаем и как иногда описываем сделанное, — ответила я.

— Это правда, но выявление (evocation) — это цель, а не тип этнографии. Не думаю, что можно называть автоэтнографией тексты, которые не выявляют, не стимулируют воспоминания.

— С другой стороны, мы развиваем новые формы автоэтнографических текстов, — сказала я, — перформативные, художественные, поэтические.

— В том и разнища. Они все эвокативные.

— Точно, мы не начинали с того, что называли наши усилия эвокативной автоэтнографией, — ответила я.

— Нет, термин „эвокативный“ появился постольку, поскольку читатели автоэтнографии признали, что качество погружения в прошлое — одна из

характеристик, которая отличает жанр автоэтнографии от этнографического письма. Я не могу поставить в один ряд „эвокативный“ и „автоэтнографию“ из-за избыточности получаемого словосочетания.

— Я понимаю. Если мы придерживаемся мнения, что любая автоэтнография эвокативна, то категория аналитическая автоэтнография становится избыточной.

— Я — профессор по коммуникации, соответственно, слова для меня многое значат, — сказал Арт. — Язык обладает конститутивной функцией и термин „автоэтнография“, по меньшей мере как мы его понимаем, предназначен для конституирования особого жанра письма или представления, которые отличаются от модернистских или реалистских текстов. Поэтому мы назвали нашу книжную серию „Этнографические альтернативы“. Мы видим в автоэтнографии альтернативу традиционному, реалистскому знанию.

— Я помню, как сложно было принять термин «автоэтнография», поставить его на первое место, — подхватила я. — Это действие представляется особенно важным с политической точки зрения. Я хочу, чтобы автоэтнография воспринималась как отдельный жанр, который бы объединял всех нас, включенных в одну работу. Как женщина и феминистка, я думаю, что важно не потерять из виду политику в автоэтнографии. Аналитические и теоретические построения на страницах научных журналах — прерогатива элитарного класса профессионалов, которые вольно или невольно делят мир на зрячих и находящихся в темноте. Автоэтнография помогает разрушить столь неестественное положение дел» (Ellis, Bochner, 2006: 436).

Если аналитическая автоэтнография нацелена на понимание и выявление смыслов, то эвокативная — на поиск правил жизни. Не описание того, что происходит, а предложение альтернатив происходящего, организация диалога, помогающего принимать согласованные решения, — в этом состоит этическая компонента автоэтнографической работы, подчиняющая себе все рассуждения о методе.

Любая аналитическая работа опирается на систему языковых конструкторов, ценностей и установок какой-либо группы, отражает ее интересы. За абстрактными категориями, сухими и отвлеченными логическими построениями скрывается целый мир властных отношений, стремление к доминированию и управлению. Суждения о власти научных построений давно вышли за рамки исключительно критического мышления и составляют основу для развития научно-исследовательской оптики. Полемическая статья Эллис и Бочнера акцентирует внимание на необходимости внимательно относиться к проявлению власти, какую бы форму она ни принимала.

Не думаю, что декларация эвокативного, эмпатического погружения в обыденный опыт, подчеркивание первостепенной важности жизненных историй и отказ от сложившегося в академической среде стиля изложения автоматически создают иную реальность социального исследования. Стремление передать мир таким, как он есть, — немислимая утопия, оправданная лишь в художественных произведениях. Неслучайно сторонники новой эвокативной автоэтнографии настаивают на смешении жанров и экспериментов с поэтической, диалоговой речью, разруша-

ющей академическое письмо. Вместе с тем разбавление логических конструкций описаниями процесса мышления, спорами и сомнениями, представлением контекста, в котором они возникали, создают принципиально иную, укорененную в опыте картину научного постижения мира. Аналитическая автоэтнография может быть избавлена от нежизненной самодостаточности логических конструкций. Именно этим эмпатическая критика (Кэролин Эллис отмечает длительные дружеские отношения с Леоном Андерсоном) работает на уточнение и прояснение концепции аналитической работы в автоэтнографических исследованиях, а не отрицает или разоблачает ее состоятельность.

Кэролин Эллис и Арт Бочнер

Перед нами исследователи старшего поколения, учителя упомянутых выше Тони Адамса и Стеси Холман Джонс. Тони в 2008 году под руководством А. Бочнера защитил докторскую диссертацию об особенностях гомосексуальных отношений. Стеси училась по их работам. Ее парное биографическое интервью с Кэролин и Артом (Holman Jones, 2004) — один из основных и полезнейших источников об их профессиональной карьере. Конечно, для исследователей, работающих в автобиографическом жанре, каждая статья состоит из личных архивов, но концентрация личностных материалов возможна лишь в подобных доверительных беседах о профессии.

Супруги, или, как они себя называют, — партнеры, К. Эллис и А. Бочнер преподают в Университете Южной Флориды на факультете коммуникации Колледжа искусств и наук. Вместе работают, выступают на конференциях, пишут статьи — жизнь и работа неразличимы для этой пары. В самом начале пути независимо друг от друга увлеклись работами Ирвинга Гофмана. Именно на его примере пришло осознание того, как можно воспринимать и представлять полевой материал без насилия над ним со стороны теоретических конструкций и надуманных академических построений.

Не менее удивительное совпадение — Кэролин и Арт начинали свои академические карьеры с количественных исследований. Кэролин — в социологии, Арт — в коммуникационных исследованиях и психологии. Первые 15 или 20 публикаций Арта посвящены количественным исследованиям. И как он упоминает в интервью со Стеси Холман Джонс, переход из лагеря количественников в качественные в конце 1970-х был весьма смелым шагом. Вплоть до того, что он потерял несколько друзей, искренне не понимающих и не принимающих его выбор. Тем не менее оба исследователя с большим уважением относятся к культуре статистических расчетов. Отдавая должное длительной традиции, они лишь высказывают сомнение о возможности развития социологического воображения (по Миллсу) на количественных опросах, игнорирующих основы человеческой коммуникации — эмоциональность, включенность, доверительность.

Правдивое и ответственное исследование требует выполнения всех трех условий. Но и этого недостаточно. Необходим особый настрой исследователя, искренность в построении метода, наблюдение за процессом наблюдения и работа с текстом как с нечто большим, нежели очередной фрагмент академической отчетности. Откровенности в общении противопоставлено сокрытие каких-то деталей (пусть и второстепенных) в публикациях, поэтому чрезвычайно важно идти до предела в представлении себя-в-работе. Не удивительно, что подобная позиция зачастую становится возможной лишь через значимые потери и потрясения. Кэролин Эллис так описывает свое вхождение в профессию:

«Мой переход к литературе и автобиографической работе произошел значительно позже (по сравнению с Артом. — *Д. Р.*), примерно в 1985 году. Я была одна, как меня и учили, пыталась стать систематичным и строгим ученым. Тогда в рамках социальной психологии проводила исследование ревности, пыталась оценить, как ревность переживается у 350 опрошенных студентов. На середине работы по анализу данных на SPSS узнала, что убили брата. Страшная депрессия из-за этого горя, а затем заболевает мой партнер Джин (Вайнштайн). Моя жизнь казалась переполненной смертью и утратами. Я спросила себя: „Почему я должна тратить время, размышляя над ответами студентов о ревности?“ Жизнь слишком коротка.

Мой переход начался с того, что я просто села и стала писать о происходящем, поскольку не могла с этим справиться никаким другим способом. Я начала писать, и была потрясена тем, как письмо организовало мои мысли, помогло мне восстановиться, посмотреть в будущее. Этот процесс был рационально терапевтический. Вместе с этим я понимала, что в тот момент пишу нечто, куда более лучшее и более социологическое, нежели мои работы об отношениях, институтах, процессах или переговорах. В каком-то роде гофманианский процесс, я вовлеклась в то, что пишу. Осознала, что, возможно, Гофман именно так и поступал со своими работами. Он смотрел на мир сквозь личный опыт. Хотя он не говорил об этом как о личном опыте, он всегда представлял себя как наблюдателя, нежели человека, испытывающего какие-либо чувства и переживания. Я же захотела внести в такую работу чувства и личные чувства, переживания.

Как только я осознала свой интерес к эмоциям, обнаружила, что ученые стараются их попросту не замечать. Психологи смотрели на эмоции отстраненным, экспериментально дистанцированным способом, а социологи вовсе их игнорировали. Я начала изучать эмоции и вместе с другими интересоваться чувствами. Мы открыли направление социологии эмоций, что заинтересовало многих исследователей. К нам стали присоединяться ученые и гуманитари. Я пошла по направлению к гуманитарному знанию, что вскоре стало трендом в социологии.

С этой позиции начала писать статью об интроспекции как методологии социальных наук. Мой аргумент состоял в том, что интроспекция научна, как и любой другой метод. Целый год в академическом отпуске я писала эту статью. Когда я отправила ее в журнал по социальной психологии, редактор сначала проявил интерес, а потом отказал в публикации, сказав: „Мы боимся, что если примем статью к печати, будем вынуждены иметь дело с

такими автобиографическими фрагментами, о которых не имеем никакого представления“.

Потом я переслала материал в журнал „Symbolic Interaction“. Я никогда не забуду рецензию, полученную от Нормана Дензина, который сказал: „Автор — шизофреник. Она создает описание гуманитарного подхода, затем сопоставляет его с собой, и утверждает, что это социальная наука“. Эта точная цитата, которую я привожу в своей работе „Финальные переговоры“ (Ellis, 1995), перевернула мне жизнь. До этого я считала, что „я — ученый и методолог“. И стучалась в дверь большой социологии со словами: „Пожалуйста, позвольте мне быть в вашем клубе“. После этой рецензии я изменила тон: „В действительности не важно, как называют меня или мое исследование, важно, как все работает“. Я перестала стучаться в двери и спросила себя: „С кем я хочу говорить? Кто хочет слушать? И кто хочет отвечать?“ И быстро нашла социологов, исследователей из других дисциплин и много совсем юных людей, заинтересованных в таких же вопросах об эмоциях, смыслах, опыте. Разговаривая и отвечая на вопросы, я попала в среду производства и поиска смыслов» (Holman Jones, 2004: 47–51).

Встретившись в январе 1990 года, они больше практически не расставались. Арт и Кэролин в интервью говорят об абсолютном совпадении мыслей и ощущений, которые в профессиональном и личностном плане они испытывали во время первых встреч и продолжают испытывать по сей день.

Заключение

Автоэтнография работает как спланированная, хорошо структурированная и соотнесенная с внешним миром исповедь. Принципиальная авторская открытость, бескомпромиссность в представлении любых деталей личной биографии, имеющих отношение к изучаемому вопросу, отказ от нейтральности и организованного скептицизма (по Мертону) в отношении к объекту исследования составляют основу автобиографического подхода. Быть собой несмотря ни на что, не поддаваться соблазну прослыть экспертом, сведущим, раздающим советы и рекомендации наставником — условие автобиографической научной авантюры. Не удивительно, что начало ее сопряжено с каким-то сильным потрясением, невозможностью решить личную проблему, преодолеть непреодолимые иначе жизненные обстоятельства. Слишком ранящим, необычным для современного человека, привыкшего прятаться за масками, играть с конфиденциальностью и отстаивать свои взгляды в правовых категориях, становится такой способ постижения мира.

Тони Адамс выстраивала отношения с отцом, Стеси Холман Джонс боролась с бесплодием, Андрей Алексеев не смог смириться с бесконечными риторическими фигурами советской партократии, Кэролин Эллис переживала потерю близких, а Арт Бочнер — иллюзорность окружающего мира статистических распределений, не позволяющих сформироваться и укрепить творческому действию. И только Леон Андерсон приходит к автоэтнографии с холодным рассудком, в спокойной и

взвешенной манере излагая основные требования и подходы к автоэтнографическому исследованию. Хотя вполне возможно, что многое просто осталось за рамками его публикаций.

Аналитическая автоэтнография слишком близко подходит в своих установках к традиционной теории, слишком мало у нее остается исповедального, личностного. Андерсон воспринимается чужаком в среде автоэтнографов. Неслучайно Эллис и Бочнер ставят под сомнение автоэтнографичность аналитической автоэтнографии, а основной корпус статей, обращающихся к обзору Андерсона, относится к автоэтнографии лишь косвенно, зачастую по остаточному принципу, механически включая элементы автобиографической рефлексии в собственные рассуждения. Однако реализм андерсоновского теоретического языка описаний не столько нарушает, сколько расширяет рамку автоэтнографического письма, предоставляет возможность куда более широкому кругу научных сотрудников попробовать себя в новом жанре, отрицающем привычные догматы наукообразной стилистики. Взаимная критика, полемическая напряженность внутри автобиографической методологии уточняют и укрепляют развиваемые подходы, позволяют недогматически относиться к используемым методам и приемам.

Предлагаемыми Эллис, Адамсом и Бочнером методами (см. рис. 2) отнюдь не исчерпывается методическая коллекция автоэтнографического исследования. Построение дополнительных методических наборов, совмещение и пересечение методов, критика отдельных приемов должны сопутствовать каждому серьезному этнографическому проекту. В отличие от наивной строгости быстро устаревающих учебников по методологии социальных обследований, автоэтнографическая традиция строится на постоянной настройке методического аппарата. Если Л. Козер сравнивал социолога с сантехником, выбирающим из набора заранее изготовленных и прошедших контроль качества инструментов пригодный для конкретной задачи, следуя рекомендациям упомянутых авторов, такой набор должен быть изготовлен на месте. Автоэтнограф не гнушается подручными средствами. Испытанные в других проектах и подтвержденные статусными рекомендациями методы подлежат калибровке, подгонке и притирке под личные, биографические особенности исследователя.

Осмысление и письмо логически следуют за принятием решения о методе и предмете и подбором материала (см. рис. 3), фактически — все четыре методических шага сосуществуют одновременно. Можно лишь говорить о доминировании или преобладании какой-либо стадии, но отрицать необходимость присутствия последующих и предыдущих — ошибка, присущая новичкам автоэтнографического подхода. Совместное, коллаборативное ведение исследования относится не только к людям, но и к методам, их внутренней структуре. Нарушение привычного порядка, заложенного в линейной информационной модели (сначала разрабатываются средства обнаружения данных, затем идут их сбор и систематизация, анализ и обработка и только после этого следует описание результатов), составляет основу рефлексивного проекта автоэтнографии, ядро биографического пово-

рота. Нельзя исследовать реверсивную и цикличную жизнь, сложный социальный порядок и спутанную логику человеческих отношений, опираясь на прямой и непротиворечивый методический аппарат.

Фрагментарное, динамически изменяющееся, поэтическое письмо автоэтнографа копирует автобиографичность социального, создает основу для концептуальной эластичности его теоретического осмысления (см. рис. 4). Через рефлексивную позицию автоэтнография сближается с квир-теорией как способом концептуализации иного через сопротивление нормальности и манифестации личной несхожести с привычными социальными паттернами. Единственное, что можно спрогнозировать, — это постоянное изменение себя, становление в методе нового знания. Отсюда методологическая доминанта автоэтнографического проекта — это политика соглашений с собой, участниками сообщества и широким культурным контекстом.

Литература

- Алексеев А. Н. (1997). Слишком правоверный комсомолец или дурной шестидесятник / Беседовал Т. Чагунава // Пчела. № 11. Доступно по адресу: http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm (дата доступа: 09.01.2015).
- Алексеев А. Н. (2003а). Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма.
- Алексеев А. Н. (2003б). Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 2. СПб.: Норма.
- Алексеев А. Н. (2005а). Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 3. СПб.: Норма.
- Алексеев А. Н. (2005б). Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 4. СПб.: Норма.
- Алексеев А. Н. (2007). Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов // Телескоп. № 4. С. 46–56.
- Алексеев А. Н. (2012а). Защита наблюдающего участника // Телескоп. № 2. С. 16–17.
- Алексеев А. Н. (2012б). К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. № 3. С. 18–19.
- Алексеев А. Н. (2012с). Социальный опыт, общая направленность и ценностный профиль личности // Телескоп. № 4. С. 24–35.
- Алексеев А. Н. (2014а). «Крымский вопрос» как предмет «социологического обслуживания» и социологического исследования. Доступно по адресу: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/krymskii-vopros-kak-predmet-sociologicheskogo-obsluzhivaniya-i-sociologicheskogo-issledovaniya> (дата доступа: 27.03.2014).
- Алексеев А. Н. (2014б). Следует ли так уж доверять результатам опросов общественного мнения? Доступно по адресу: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei->

- alekseev-1/sleduet-li-tak-uzh-doveryat-rezultatam-oprosov-obschestvennogo-mneniya-chitaite-na-saite-spas (дата доступа: 10.01.2015).
- Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. (2010). Профессия — социолог. Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексия. СПб.: Норма.
- Багдасарова Я. (2008). Автоэтнография: исследователь в роли «антропологизируемого» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология, социология, педагогика. № 2. С. 134–145.
- Бачинин В. А. (2011). Рецензия: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог. Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН — 2008/2009 и не только. Документы, наблюдения, рефлексия. В 4-х т. СПб.: Норма, 2010 // Социологические исследования. № 4. С. 153–156.
- Готлиб А. С. (2004а). Автоэтнография: разговор с самой собой в двух регистрах // Социология 4М. № 18. С. 5–16.
- Готлиб А. С. (2004б). Автоэтнография: разговор с самой собой в двух регистрах (продолжение) // Социология 4М. № 19. С. 5–31.
- Григорьев Л. Г. (2003). Рецензия: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2-х т. СПб.: Норма, 2003 // Социологический журнал. № 2. С. 180–186.
- Докторов Б. З. (2014а). «Рыба ищет, где глубже, а человек — где не так мелко...»: интервью с Андреем Николаевичем Алексеевым. Доступно по адресу: <http://http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Alekseev.pdf> (дата доступа: 09.01.2015).
- Докторов Б. З. (2014б). «Продолжение следует...»: интервью с Андреем Николаевичем Алексеевым. Доступно по адресу: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/alekseev_2014.pdf (дата доступа: 09.01.2015).
- Докторов Б. З. (2015). Личное письмо от 6 марта 2015 года.
- Завадский А. (2014). Попытка ухватить индивидуальное в истории: биография в исторической науке. Интервью с доцентом магистерской программы «Public History. Историческое знание в современном мире» МВШСЭН Верой Дубиной // Интернет-журнал ГЕФТЕР. 22 декабря. Доступно по адресу: <http://gefter.ru/archive/13887> (дата доступа: 25.12.2014).
- Мозжегоров С. В. (2013). Методологические основания сторителлинга в контексте исследования личностных нарративов // Социология 4М. № 37. С. 104–125.
- Мозжегоров С. В. (2014). Нарративы о гомосексуальном раскрытии в западном и российском социокультурном контексте // Социологический журнал. № 1. С. 124–140.
- Adams T. E. (2006). Seeking Father: Relationally Reframing a Troubled Love Story // Qualitative Inquiry. Vol. 12. № 4. P. 704–723.
- Adams T. E. (2008). A Review of Narrative Ethics // Qualitative Inquiry. Vol. 14. № 2. P. 175–194.
- Adams T. E. (2011). Narrating the Closet: An Autoethnography of Same-Sex Attraction. Walnut Creek: Left Coast Press.

- Adams T. E.* (2012a). The Joys of Autoethnography: Possibilities for Communication Research // *Qualitative Communication Research*. Vol. 1. № 2. P. 181–194.
- Adams T. E.* (2012b). Missing Each Other // *Qualitative Inquiry*. Vol. 18. № 2. P. 193–196.
- Adams T. E.* (2013). Post-coming Out Complications // *Critical Autoethnography: Intersecting Cultural Identities in Everyday Life* / Ed. by R. M. Boylorn, M. P. Orbe. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 50–61.
- Adams T. E., Ellis C.* (2012). Trekking through Autoethnography // *Qualitative Research: An Introduction to Designs and Methods* / Ed. by S. D. Lapan, M. Quartaroli, F. J. Riemer. Hoboken: Jossey-Bass. P. 189–212.
- Adams T. E., Holman Jones S.* (2008). Autoethnography Is Queer // *Handbook of Critical and Indigenous Methodologies* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln, L. T. Smith. London: SAGE. P. 373–390.
- Adams T. E., Holman Jones S.* (2011). Telling Stories: Autoethnography, Queer Theory, and Reflexivity // *Cultural Studies — Critical Methodology*. Vol. 11. № 2. P. 108–116.
- Adams T. E., Holman Jones S., Ellis C.* (2014). Autoethnography: Understanding Qualitative Research. New York: Oxford University Press.
- Alexander B. K.* (2014). Bodies Yearning on the Borders of Becoming: A Performative Reflection on Three Embodied Axes of Social Difference // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 10. P. 1169–1178.
- Anae N.* (2014). «Language Speaking the Subject Speaking the Arts»: New Possibilities for Interdisciplinary in Arts/English Education — Explorations in Three-Dimensional Storytelling // *English Teaching — Practice and Critique*. Vol. 13. № 2. P. 113–140.
- Anderson L.* (2001). *Autobiography: The New Critical Idiom*. London: Routledge.
- Anderson L.* (2006). Analytic Autoethnography // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. № 4. P. 373–395.
- Anderson L., Austin M.* (2012). Auto-ethnography in Leisure Studies // *Leisure Studies*. Vol. 31. № 2. P. 131–146.
- Atkins L.* (2014). The Path of Wellness: Reflections on Cancer, the Environment, and the Integrity of Place // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 3. P. 246–247.
- Averett P.* (2009). The Search for Wonder Woman: An Autoethnography of Feminist Identity // *Affilia*. Vol. 24. № 4. P. 360–368.
- Baena R.* (Ed.). (2007). *Transculturating Auto/biography: Forms of Life Writing*. London: Routledge.
- Banoli A.* (2004). Researching Identities with Multi-method Autobiographies // *Sociological Research Online*. Vol. 9. № 2. Available at: <http://www.socresonline.org.uk/9/2/bagnoli.html> (accessed 25.12.2014).
- Blinne K. C.* (2012). Auto(erotic)ethnography // *Sexualities*. Vol. 15. № 8. P. 953–977.
- Block B. A., Weatherford G. M.* (2013). Narrative Research Methodologies: Learning Lessons from Disabilities Research // *Quest*. Vol. 65. № 4. P. 498–514.
- Bochner A. P., Ellis C.* (1992). Personal Narrative as a Social Approach to Interpersonal Communication // *Communication Theory*. Vol. 2. № 2. P. 165–172.

- Boylorn R. M., Orbe M. P.* (Eds.). (2013). *Critical Autoethnography: Intersecting Cultural Identities in Everyday Life*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Bruner J.* (1993). *The Autobiographical Process // The Culture of Autobiography: Construction of Self-representation / Ed. by R. Folkenflik*. Stanford: Stanford University Press. P. 38–56.
- Cann C. N., DeMeulenaere E. J.* (2012). *Critical Co-constructed Autoethnography // Cultural Studies — Critical Methodologies*. Vol. 12. № 2. P. 146–158.
- Chang H. V.* (2008). *Autoethnography as Method*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Chang H. V.* (2013). *Individual and Collaborative Autoethnography as Method: A Social Scientist's Perspective // Handbook of Autoethnography / Ed. by S. H. Jones, T. E. Adams, C. Ellis*. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 107–119.
- Chang H. V., Ngunjiri F. W., Hernandez K. A.* (2012). *Collaborative Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Chen W.-F.* (2014). *Proud Stigma: The Domestic Narrative of a Family as Political Criminal Descendants // Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 3. P. 282–286.
- Cho G. M.* (2015). *Samgwangsa: A Travelogue of Kinship // Qualitative Inquiry*. Vol. 21. № 1. P. 59–65.
- Clifton S.* (2014). *Grieving My Broken Body: An Autoethnographic Account of Spinal Cord Injury as an Experience of Grief // Disability and Rehabilitation*. Vol. 36. № 21. P. 1823–1829.
- Cockain A.* (2014). *Becoming Quixotic? A Discussion on the Discursive Construction of Disability and How This Is Maintained through Social Relations // Disability and Society*. Vol. 29. № 9. P. 1473–1485.
- Cook P. S.* (2014). «To Actually Be Sociological»: Autoethnography as an Assessment and Learning Tool // *Journal of Sociology*. Vol. 50. № 3. P. 269–282.
- DeMeulenaere E. J., Cann C. N.* (2013). *Activist Educational Research // Qualitative Inquiry*. Vol. 19. № 8. P. 552–565.
- Denshire S.* (2014). *On Auto-ethnography // Current Sociology*. Vol. 62. № 6. P. 831–850.
- Denzin N. K.* (1997). *Interpretive Biography: Ethnographic Practices for the Twenty-First Century*. London: SAGE.
- Denzin N. K.* (2003). *Performance Ethnography: Critical Pedagogy and the Politics of Culture*. London: SAGE.
- Denzin N. K.* (2014). *Interpretive Autoethnography*. London: SAGE.
- Eakin P. J.* (2008). *Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ellis C. S.* (1991). *Sociological Introspection and Emotional Experience // Symbolic Interaction*. Vol. 14. № 1. P. 23–50.
- Ellis C. S.* (1995). *Final Negotiations: A Story of Love, Loss, and Chronic Illness*. Philadelphia: Temple University Press.
- Ellis C. S.* (2003). *The Ethnographic I: A Methodological Novel about Autoethnography*. Walnut Creek: AltaMira Press.

- Ellis C. S.* (2008). *Revision: Autoethnographic Reflections on Life and Work*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Ellis C. S., Bochner A. P.* (2000). Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity // *The SAGE Handbook of Qualitative Research* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London: SAGE. P. 733–768.
- Ellis C. S., Bochner A. P.* (2006). Analyzing Analytic Autoethnography: An Autopsy // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. № 4. P. 429–449.
- Ellis C. S., Rawicki J.* (2013). Collaborative Witnessing of Survival During the Holocaust: An Exemplar of Relational Autoethnography // *Qualitative Inquiry*. Vol. 19. № 5. P. 366–380.
- Ellis C. S., Adams T. E., Bochner A. P.* (2010). Autoethnografie // *Handbuch Qualitative Forschung in der Psychologie* / Hrsg. von G. Mey, K. Mruck. Wiesbaden: Springer. S. 345–357.
- Ellis C. S., Adams T. E., Bochner A. P.* (2011). Autoethnography: An Overview // *Forum Qualitative Sozialforschung*. Vol. 12. № 1. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589> (accessed 25.12.2014).
- Emerald E., Carpenter L.* (2014). The Scholar Retires: An Embodied Identity Journey // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 10. P. 1141–1147.
- Ernst R., Vallack J.* (2015). Storm Surge: An Autoethnography about Teaching in the Australian Outback // *Qualitative Inquiry*. Vol. 21. № 2. P. 153–160.
- Esposito J.* (2014). Pain Is a Social Construction until It Hurts: Living Theory on My Body // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 10. P. 1179–1190.
- Ettorre E.* (2013). Drug User Researchers as Autoethnographers: «Doing Reflexivity» with Women Drug Users // *Substance Use and Misuse*. Vol. 48. № 13. P. 1377–1385.
- Fox R.* (2014). Auto-archaeology of Homosexuality: A Foucauldian Reading of the Psychiatric-Industrial Complex // *Text and Performance Quarterly*. Vol. 34. № 3. P. 230–250.
- Gingrich-Philbrook C.* (2005). Autoethnography's Family Values: Easy Access to Compulsory Experiences // *Text and Performance Quarterly*. Vol. 25. № 4. P. 297–314.
- Goodall B. H.* (2001). *Writing the New Ethnography*. Walnut Creek: AltaMira Press.
- Griffin N. S.* (2014). Collaborative Autoethnography // *Qualitative Research*. Vol. 14. № 4. P. 523–524.
- Hall D. E., Jagose A.* (Eds.). (2012). *The Routledge Queer Studies Reader*. New York: Routledge.
- Hamati-Ataya I.* (2013). Reflectivity, Reflexivity, Reflexivism: IR's «Reflexive Turn» and Beyond // *European Journal of International Relations*. Vol. 19. № 4. P. 669–694.
- Hanauer D. I.* (2012). Growing Up in the Unseen Shadow of the Kindertransport: A Poetic-Narrative Autoethnography // *Qualitative Inquiry*. Vol. 18. № 10. P. 845–851.
- Harrison B., Lyon E. S.* (1993). A Note on Ethical Issues in the Use of Autobiography in Sociological Research // *Sociology*. Vol. 27. № 1. P. 101–109.
- Hayano D.* (1982). *Poker Faces: The Life and Work of Professional Card Players*. Berkeley: University of California Press.

- Henderson B.* (2012). Narrating the Closet: An Autoethnography of Same-Sex Attraction // *Text and Performance Quarterly*. Vol. 32. № 4. P. 372–374.
- Henson D. F.* (2013). Wrangling Space: The Incoherence of a Long-Distance Life // *Qualitative Inquiry*. Vol. 19. № 7. P. 518–522.
- Holman Jones S.* (2004). Building Connections in Qualitative Research: Carolyn Ellis and Art Bochner in conversation with Stacy Holman Jones // *Forum Qualitative Sozialforschung*. Vol. 5. № 3. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/552/1194> (accessed 18.01.2015).
- Holman Jones S.* (2005a). (M)othering Loss: Telling Adoption Stories, Telling Performativity // *Text and Performance Quarterly*. Vol. 25. № 2. P. 113–135.
- Holman Jones S.* (2005b). Autoethnography: Making the Personal Political // *Handbook of Qualitative Research* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London: SAGE. P. 763–791.
- Holman Jones S., Adams T. E.* (2010a). Autoethnography and Queer Theory: Making Possibilities // *Qualitative Inquiry and Human Rights* / Ed. by M. Giardina, N. K. Denzin. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 136–157.
- Holman Jones S., Adams T. E.* (2010b). Autoethnography Is a Queer Method // *Queer Methods and Methodologies* / Ed. by K. Browne, C. Nash. Burlington: Ashgate. P. 195–214.
- Holman Jones S., Adams T. E.* (2014). Undoing the Alphabet: A Queer Fugue on Grief and Forgiveness // *Cultural Studies — Critical Methodology*. Vol. 14. № 2. P. 102–110.
- Holman Jones S., Adams T. E., Ellis C. S.* (2013). Introduction: Coming to Know Autoethnography as More than a Method // *Handbook of Autoethnography* / Ed. by S. Holman Jones, T. E. Adams, C. S. Ellis. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 17–47.
- Jahng K. E.* (2014). A Self-critical Journey to Working for Immigrant Children: An Autoethnography // *European Early Childhood Education Research Journal*. Vol. 22. № 4. P. 573–582.
- Jolly M.* (Ed.). (2001). *Encyclopedia of Life Writing: Autobiographical and Biographical Forms*. London: Routledge.
- Jones M.* (2013). Traversing No Man's Land in Search of an (Other) Identity: An Autoethnographic Account // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 42. № 6. P. 745–768.
- Jones S. H., Adams T. E., Ellis C.* (Eds.). (2015). *Handbook of Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Keisinger C. E.* (2002). My Father's Shoes: The Therapeutic Value of Narrative Reframing // *Ethnographically Speaking: Autoethnography, Literature, and Aesthetics* / Ed. by A. P. Bochner, C. S. Ellis. Walnut Creek: AltaMira Press. P. 95–114.
- Kohn N.* (2014). Improvised Educational Devices // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 3. P. 325–331.
- Larsen J.* (2014). (Auto)ethnography and Cycling // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 17. № 1. P. 59–71.
- Liggins J., Kearns R. A., Adams P. J.* (2013). Using Autoethnography to Reclaim the «Place of Healing» in Mental Health Care // *Social Science and Medicine*. Vol. 91. P. 105–109.

- Littig B.* (2013). On High Heels: A Praxiography of Doing Argentine Tango // *European Journal of Womens Studies*. Vol. 20. № 4. P. 455–467.
- Lobatto W.* (2013). The Art of Leading and Following: A Workplace Tango // *Journal of Social Work Practice*. Vol. 27. № 2. P. 133–147.
- Lofland J., Snow D. A., Anderson L., Lofland L. H.* (2005). *Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis*. Boston: Cengage Learning.
- Mardones D. F.* (2014). Crying a Thesis // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 3. P. 248–252.
- Marschall S.* (2015). «Travelling Down Memory Lane»: Personal Memory as a Generator of Tourism // *Tourism Geographies*. Vol. 17. № 1. P. 36–53.
- Martin M.* (2014). A Witness of Whiteness: An Autoethnographic Examination of a White Teacher's Own Inherent Prejudice // *Education as Change*. Vol. 18. № 2. P. 237–254.
- Martinez A., Merlino A.* (2014). I Don't Want to Die before Visiting Graceland: A Collaborative Autoethnography // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 8. P. 990–997.
- McCormack C., Vanags T., Prior R.* (2014). «Things Fall Apart So They Can Fall Together»: Uncovering the Hidden Side of Writing a Teaching Award Application // *Higher Education Research and Development*. Vol. 33. № 5. P. 935–948.
- McGlotten S.* (2014). A Brief and Improper Geography of Queerspace and Sexpublics in Austin, Texas // *Gender Place and Culture*. Vol. 21. № 4. P. 471–488.
- McTavish L.* (2015). *Feminist Figure Girl: Look Hot While You Fight the Patriarchy*. New York: State University of New York Press.
- Meneley A., Young D.* (Eds.). (2005). *Auto-ethnographies: The Anthropology of Academic Practices*. Peterborough: Broadview Press.
- Muncey T.* (2010). *Creating Autoethnographies*. London: SAGE.
- Murphy R. F.* (1987). *The Body Silent*. New York: Norton.
- Nam S. H.* (2008). The Construction of Self-identity in the Chronically Mentally Ill: A Focus on Autobiographic Narratives of Mentally Ill Patients in South Korea // *Qualitative Sociology Review*. Vol. 4. № 1. P. 150–170.
- Neumann M.* (1996). Collecting Ourselves at the End of the Century // *Composing Ethnography: Alternative Forms of Qualitative Writing* / Ed. by C. S. Ellis, A. P. Bochner. Walnut Creek: AltaMira Press. P. 172–198.
- Neville-Jan A.* (2003). Encounters in a World of Pain: An Auto-ethnography // *American Journal of Occupational Therapy*. Vol. 57. № 1. P. 88–98.
- Neville-Jan A.* (2004). Selling Your Soul to the Devil: An Auto-ethnography of Pain, Pleasure and the Quest for a Child // *Disability and Society*. Vol. 19. № 2. P. 113–127.
- Neville-Jan A.* (2005). The Problem with Prevention: The Case of Spina Bifida // *American Journal of Occupational Therapy*. Vol. 59. № 5. P. 527–539.
- Newbold G., Ross J. I., Jones R. S., Richards S. C., Lenza M.* (2014). Prison Research from the Inside: The Role of Convict Autoethnography // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 4. P. 439–448.
- Ngunjiri F. W., Hernandez K.-A. C., Chang H.* (2010). Living Autoethnography: Connecting Life and Research // *Journal of Research Practice*. Vol. 6. № 1. P. 1–17.

- Nordmarken S.* (2014). Becoming Ever More Monstrous: Feeling Transgender In-betweenness // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 1. P. 37–50.
- O’Keeffe T.* (2015). Creation of a Personality Garden: A Tool for Reflection and Teacher Development, an Autoethnographical Research Paper // *Nurse Education Today*. Vol. 35. № 1. P. 138–145.
- Oakley J., Callaway H.* (1992). *Anthropology and Autobiography*. London: Routledge.
- Ouellet L. J.* (1994). *Pedal to the Metal: The Work Lives of Truckers*. Philadelphia: Temple University Press.
- Pensoneau-Conway S. L., Bolen D. M., Toyosaki S., Rudick C. K., Bolen E. K.* (2014). Self, Relationship, Positionality, and Politics: A Community Autoethnographic Inquiry into Collaborative Writing // *Cultural Studies — Critical Methodologies*. Vol. 14. № 4. P. 312–323.
- Peterson A. L.* (2015). A Case for the Use of Autoethnography in Nursing Research // *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 71. № 1. P. 226–233.
- Plummer K.* (2005). Critical Humanism and Queer Theory: Living with the Tensions // *Handbook of Qualitative Research* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London: SAGE. P. 357–373.
- Rawicki J., Ellis C. S.* (2011). «Lechem Hara (Bad Bread), Lechem Tov (Good Bread)»: Depravity and Nobility during the Holocaust // *Qualitative Inquiry*. Vol. 17. № 2. P. 155–157.
- Reed-Danahay D.* (Ed.). (1997). *Auto/ethnography: Rewriting the Self and the Social*. New York: Berg.
- Riggs N.A.* (2014). Following Bud: Blogging at the End-of-Life // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 3. P. 376–384.
- Roth W. M.* (Ed.). (2005). *Auto/biography and Auto/ethnography: Praxis of Research Method*. Rotterdam: Sense Publisher.
- Rottgerrossler B.* (1993). Autobiography in Question: On Self-presentation and Life Description in an Indonesian Society // *Anthropos*. Vol. 88. № 4-6. P. 365–373.
- Sanders C.* (1999). *Understanding Dogs: Living and Working with Canine Companions*. Philadelphia: Temple University Press.
- Sandoval C.* (2000). *Methodology of the Oppressed*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Schingaro N.* (2014). The Reversal of Lifelong Labeling: An Autoethnography // *Deviant Behavior*. Vol. 35. № 9. P. 703–726.
- Sealy P. A.* (2012). Autoethnography: Reflective Journaling and Meditation to Cope with Life-Threatening Breast Cancer // *Clinical Journal of Oncology Nursing*. Vol. 16. № 1. P. 38–41.
- Shoemaker D. B.* (2014). Kind of Blue (Music for the Muse): Re/playing Autoethnographic Stories through Music // *Text and Performance Quarterly*. Vol. 34. № 3. P. 321–325.
- Short N. P., Turner L., Grant A.* (Eds.). (2013). *Contemporary British Autoethnography*. Rotterdam: Sense Publishers.
- Sikes P.* (Ed.). (2013). *Autoethnography*. London: SAGE.

- Sloane H. M.* (2014). Tales of a Reluctant Sex Radical: Barriers to Teaching the Importance of Pleasure for Wellbeing // *Sexuality and Disability*. Vol. 32. № 4. P. 453–467.
- Smith C.* (2005). Epistemological Intimacy: A Move to Autoethnography // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 4. № 2. P. 1–7.
- Smith C.* (2012). (Re)discovering Meaning: A Tale of Two Losses // *Qualitative Inquiry*. Vol. 18. № 10. P. 862–867.
- Soshi M. J.* (2014). Help(ness): An Autoethnography about Caring for my Mother with Terminal Cancer // *Health Communication*. Vol. 29. № 8. P. 840–842.
- Struthers J.* (2014). Analytic Autoethnography: One Story of the Method // *Theory and Method in Higher Education Research II* / Ed. by J. Huisman, M. Tight. Bingley: Emerald Group Publishing. P. 183–202.
- Sutton-Brown C.* (2010). Review of Carolyn Ellis' Book *Revision: Autoethnographic Reflections of Life and Work* // *Qualitative Report*. Vol. 15. № 5. P. 1306–1308.
- Sykes B. E.* (2014). Transformative Autoethnography: An Examination of Cultural Identity and Its Implications for Learners // *Adult Learning*. Vol. 25. № 1. P. 3–10.
- Tamas T.* (2011). *Body, Paper, Stage: Writing and Performing Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Terry A. W.* (2012). My Journey in Grief: A Mother's Experience Following the Death of Her Daughter // *Qualitative Inquiry*. Vol. 18. № 4. P. 355–367.
- Ugelvik T.* (2014). Prison Ethnography as Lived Experience: Notes from the Diaries of a Beginner Let Loose in Oslo Prison // *Qualitative Inquiry*. Vol. 20. № 4. P. 444–453.
- Wakeman S.* (2014). Fieldwork, Biography and Emotion Doing Criminological Autoethnography // *British Journal of Criminology*. Vol. 54. № 5. P. 705–721.
- Warren J. T.* (2011). Reflexive Teaching: Toward Critical Autoethnographic Practices of in/on Pedagogy // *Cultural Studies — Critical Methodology*. Vol. 11. № 2. P. 139–144.
- Whitinui P.* (2014). Indigenous Autoethnography: Exploring, Engaging, and Experiencing «Self» as a Native Method of Inquiry // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 43. № 4. P. 456–487.
- Wilchins R.* (2014). *Queer Theory, Gender Theory*. New York: Riverdale Avenue Books.
- Wilkins R.* (1993). Taking It Personal: A Note on Emotion and Autobiography // *Sociology*. Vol. 27. № 1. P. 93–100.
- Wilson K. B.* (2011). Opening Pandora's Box: An Autoethnographic Study of Teaching // *Qualitative Inquiry*. Vol. 17. № 5. P. 452–458.
- Wyatt J., Adams T. E.* (Eds.). (2014). *On (Writing) Families: Autoethnographies of Presence and Absence*. Rotterdam: Sense Publishers.
- Yang S.* (2012). An Autoethnography of a Childless Woman in Korea // *Affilia*. Vol. 12. № 4. P. 371–380.
- Zapata-Sepulveda S., Reinertsen A.B., Martin M., Gomez A.* (2014). The Pink-Wheeled Bike — Takes Two, Three, and Four // *International Review of Qualitative Research*. Vol. 7. № 4. P. 502–514.

How Autoethnography Works

Dmitry Rogozin

Head of the Laboratory for the Methodology of Federative Studies, Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Senior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571

E-mail: d.rogozin@list.ru

The aim of the article is to reveal the modern autoethnographic approach to social research. The review of publications edited since the beginning of the 2000's has shown that autoethnography works as a planned, well-structured confession correlating with the outside world. The essentially open and uncompromising representation of each detail in the author's personal story related to the subject matter, alongside with his/her shift away from neutrality and organized skepticism (according to Merton) in respect of the research issue, establish the principles for an autobiographical approach. The article reflects the peculiarities of modern autoethnographic schools, and describes the methods and techniques of autobiographical writing. There are two trends of autoethnography that are distinguished in Western tradition: evocative autoethnography, which is based on queer theory, and analytical autoethnography, traditionally oriented to conceptual apparatus. The first evocative trend is founded on the metaphors of emotional, authentic, and veracious representations of cultural realities through the autobiographical genre. The second trend, analytical autoethnography, is supported by three research prescriptions: the actual membership in the studied community, and avoidance of understatements, including the unspoken, non-prescribed details of ethnographic work; the desire for theoretical understanding of reality; and the rejection of any authentic reflection of the past. Over the past 20–30 years, there has not been any significant autoethnographic project implemented by the Russian research community appealing to the development of independent theoretical descriptive language. The only exception to the rule is Alexeyev's so-called "dramaturgical sociology", adjacent to the queer ideology of some Western colleagues. The paper represents a detailed analysis of research innovation embedded by Alexeyev, as well as a logical and theoretical overlapping with the works of foreign authors.

Keywords: autobiography, autoethnography, biographical method, dramaturgical sociology, queer theory, personal narrative

References

- Adams T. E. (2006) Seeking Father: Relationally Reframing a Troubled Love Story. *Qualitative Inquiry*, vol. 12, no 4, pp. 704–723.
- Adams T. E. (2008) A Review of Narrative Ethics. *Qualitative Inquiry*, vol. 14, no 2, pp. 175–194.
- Adams T. E. (2011) *Narrating the Closet: An Autoethnography of Same-Sex Attraction*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Adams T. E. (2012a) The Joys of Autoethnography: Possibilities for Communication Research. *Qualitative Communication Research*, vol. 1, no 2, pp. 181–194.
- Adams T. E. (2012b) Missing Each Other. *Qualitative Inquiry*, vol. 18, no 2, pp. 193–196.
- Adams T. E. (2013) Post-coming Out Complications. *Critical Autoethnography: Intersecting Cultural Identities in Everyday Life* (eds. R. M. Boylorn, M. P. Orbe), Walnut Creek: Left Coast Press, pp. 50–61.
- Adams T. E., Ellis C. (2012) Trekking through Autoethnography. *Qualitative Research: An Introduction to Designs and Methods* (eds. S. D. Lapan, M. Quartaroli, F. J. Riemer), Hoboken: Jossey-Bass, pp. 189–212.
- Adams T. E., Holman Jones S. (2008) Autoethnography Is Queer. *Handbook of Critical and Indigenous Methodologies* (eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln, L. T. Smith), London: SAGE, pp. 373–390.

- Adams T. E., Holman Jones S. (2011). Telling Stories: Autoethnography, Queer Theory, and Reflexivity. *Cultural Studies — Critical Methodology*, vol. 11, no 2, pp. 108–116.
- Adams T. E., Holman Jones S., Ellis C. (2014) *Autoethnography: Understanding Qualitative Research*, New York: Oxford University Press.
- Alekseev A. (1997) Slishkom pravovernyj komsomolec ili durnoj shestidesjatnik [Too Orthodox Komsomol Member or Obnoxious Sixtier]. *Pchela*, no 11. Available at: http://www.pseudology.org/Gallup/Alekseev_AN.htm (accessed 09.01.2015).
- Alekseev A. (2003) *Dramaticheskaja sociologija i sociologicheskaja autorefleksija. T. 1* [The Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexion, Vol. 1], Saint-Petersburg: Norma.
- Alekseev A. (2003) *Dramaticheskaja sociologija i sociologicheskaja autorefleksija. T. 2* [The Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexion, Vol. 2], Saint-Petersburg: Norma.
- Alekseev A. (2005) *Dramaticheskaja sociologija i sociologicheskaja autorefleksija. T. 3* [The Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexion, Vol. 3], Saint-Petersburg: Norma.
- Alekseev A. (2005) *Dramaticheskaja sociologija i sociologicheskaja autorefleksija. T. 4* [The Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexion, Vol. 4], Saint-Petersburg: Norma.
- Alekseev A. (2007) Pis'mo, dnevnik, avtobiografija: mnogoobrazie form i soprzazhenie smyslov [Letter, Diary, Autobiography: Multiple Forms and Intersection of Meanings]. *Teleskop*, no 4, pp. 46–56.
- Alekseev A. (2012) Zashhita nabljudajushhego uchastnika [Defence of the Observing Participant]. *Teleskop*, no 2, pp. 16–17.
- Alekseev A. (2012) K diskussii o sootnoshenii "sub'ektivnogo" i "ob'ektivnogo" v biograficheskom narrative [To the Discussion about the Balance of "Subjective" and "Objective" in Biographical Narrative]. *Teleskop*, no 3, pp. 18–19.
- Alekseev A. (2012) Social'nyj opyt, obshhaja napravlennost' i cennostnyj profil' lichnosti [Social Experience, General Orientation and Value Profile of Personality]. *Teleskop*, no 4, pp. 24–35.
- Alekseev A. (2014) "Krymskij vopros" kak predmet "sociologicheskogo obsluzhivaniya" i sociologicheskogo issledovaniya ["Crimean Question" as a Subject of "Sociological Servicing" and Sociological Research]. Available at: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/krymskii-vopros-kak-predmet-sociologicheskogo-obsluzhivaniya-i-sociologicheskogo-issledovaniya> (accessed 27.03.2014).
- Alekseev A. (2014) *Sleduet li tak uzh doverjat' rezul'tatam oprosov obshhestvennogo mnenija?* [Should We Trust So Much the Results of Public Opinion Surveys?]. Available at: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/sleduet-li-tak-uzh-doverjat-rezultatam-oprosov-obschestvennogo-mneniya-chitaite-na-saite-spas> (accessed 10.01.2015).
- Alekseev A., Lenchovsky R. (2010) *Professija — sociolog. Iz opyta dramaticheskoy sociologii: sobytija v SI RAN — 2008/2009 i ne tol'ko. Dokumenty, nabljudeniya, refleksija* [Sociologist as Profession. Essay in Dramatic Sociology: Events in SI RAN — 2008/2009 and Others. Documents, Observations, Reflection], Saint-Petersburg: Norma.
- Alexander B. K. (2014) Bodies Yearning on the Borders of Becoming: A Performative Reflection on Three Embodied Axes of Social Difference. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 10, pp. 1169–1178.
- Anae N. (2014) "Language Speaking the Subject Speaking the Arts": New Possibilities for Interdisciplinary in Arts/English Education — Explorations in Three-Dimensional Storytelling. *English Teaching — Practice and Critique*, vol. 13, no 2, pp. 113–140.
- Anderson L. (2001) *Autobiography: The New Critical Idiom*, London: Routledge.
- Anderson L. (2006) Analytic Autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 35, no 4, pp. 373–395.
- Anderson L., Austin M. (2012) Auto-ethnography in Leisure Studies. *Leisure Studies*, vol. 31, no 2, pp. 131–146.
- Atkins L. (2014) The Path of Wellness: Reflections on Cancer, the Environment, and the Integrity of Place. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 3, pp. 246–247.
- Averett P. (2009) The Search for Wonder Woman: An Autoethnography of Feminist Identity. *Affilia*, vol. 24, no 4, pp. 360–368.
- Bachinin V. (2011) Recenzija: Alekseev A. N., Lenchovskij R. I. *Professija — sociolog. Iz opyta dramaticheskoy sociologii: sobytija v SI RAN — 2008/2009 i ne tol'ko. Dokumenty, nabljudeniya*,

- refleksija. V 4-h t. Saint-Petersburg: Norma, 2010 [Review: Alekseev A., Lenchovsky R. Sociologist as Profession. Essay in Dramatic Sociology: Events in SI RAN — 2008/2009 and Others. Documents, Observations, Reflection, Saint-Petersburg: Norma, 2010]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 4, pp. 153–156.
- Baena R. (Ed.) (2007) *Transculturating Auto/biography: Forms of Life Writing*, London: Routledge.
- Bagdasarova Y. (2008) Avtojetnografija: issledovatel' v roli "antropologiziruemogo" [Autoethnography: Researcher's Role as an "Anthropologized"]. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, no 2, pp. 134–145.
- Banoli A. (2004) Researching Identities with Multi-method Autobiographies. *Sociological Research Online*, vol. 9, no 2. Available at: <http://www.socresonline.org.uk/9/2/bagnoli.html> (accessed 25.12.2014).
- Blinne K. C. (2012) Auto(erotic)ethnography. *Sexualities*, vol. 15, no 8, pp. 953–977.
- Block B. A., Weatherford G. M. (2013) Narrative Research Methodologies: Learning Lessons from Disabilities Research. *Quest*, vol. 65, no 4, pp. 498–514.
- Bochner A. P., Ellis C. (1992) Personal Narrative as a Social Approach to Interpersonal Communication. *Communication Theory*, vol. 2, no 2, pp. 165–172.
- Boylorn R. M., Orbe M. P. (eds.) (2013) *Critical Autoethnography: Intersecting Cultural Identities in Everyday Life*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Bruner J. (1993) The Autobiographical Process. *The Culture of Autobiography: Construction of Self-representation* (ed. R. Folkenflik), Stanford: Stanford University Press, pp. 38–56.
- Cann C. N., DeMeulenaere E. J. (2012) Critical Co-constructed Autoethnography. *Cultural Studies — Critical Methodologies*, vol. 12, no 2, pp. 146–158.
- Chang H. V. (2008) *Autoethnography as Method*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Chang H. V. (2013) Individual and Collaborative Autoethnography as Method: A Social Scientist's Perspective. *Handbook of Autoethnography* (eds. S. H. Jones, T. E. Adams, C. Ellis), Walnut Creek: Left Coast Press, pp. 107–119.
- Chang H. V., Ngunjiri F. W., Hernandez K. A. (2012) *Collaborative Autoethnography*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Chen W.-F. (2014) Proud Stigma: The Domestic Narrative of a Family as Political Criminal Descendants. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 3, pp. 282–286.
- Cho G. M. (2015) Samgwangsa: A Travelogue of Kinship. *Qualitative Inquiry*, vol. 21, no 1, pp. 59–65.
- Clifton S. (2014) Grieving My Broken Body: An Autoethnographic Account of Spinal Cord Injury as an Experience of Grief. *Disability and Rehabilitation*, vol. 36, no 21, pp. 1823–1829.
- Cockain A. (2014) Becoming Quixotic? A Discussion on the Discursive Construction of Disability and How This Is Maintained through Social Relations. *Disability and Society*, vol. 29, no 9, pp. 1473–1485.
- Cook P. S. (2014) "To Actually Be Sociological": Autoethnography as an Assessment and Learning Tool. *Journal of Sociology*, vol. 50, no 3, pp. 269–282.
- DeMeulenaere E. J., Cann C. N. (2013) Activist Educational Research. *Qualitative Inquiry*, vol. 19, no 8, pp. 552–565.
- Denshire S. (2014) On Auto-ethnography. *Current Sociology*, vol. 62, no 6, pp. 831–850.
- Denzin N. K. (1997) *Interpretive Biography: Ethnographic Practices for the Twenty-First Century*, London: SAGE.
- Denzin N. K. (2003) *Performance Ethnography: Critical Pedagogy and the Politics of Culture*, London: SAGE.
- Denzin N. K. (2014) *Interpretive Autoethnography*, London: SAGE.
- Doktorov B. (2014) "Ryba ishhet, gde glubzhe, a chelovek — gde ne tak melko...": interv'ju s Andreem Nikolaevichem Alekseevym ["Fish Looks for Deeper Place, Man Looks for Less Shallow One...": An Interview with Andrey Alekseev]. Available at: <http://http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Alekseev.pdf> (accessed 09.01.2015).
- Doktorov B. (2014) "Prodolzhenie sleduet...": interv'ju s Andreem Nikolaevichem Alekseevym ["To Be Continued...": An Interview with Andrey Alekseev]. Available at: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/alekseev_2014.pdf (accessed 09.01.2015).
- Doktorov B. (2015) *Lichnoe pis'mo ot 6 marta 2015 goda* [Personal Letter from March 6, 2015].

- Eakin P. J. (2008) *Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative*, Ithaca: Cornell University Press.
- Ellis C. S. (1991) Sociological Introspection and Emotional Experience. *Symbolic Interaction*, vol. 14, no 1, pp. 23–50.
- Eliss C. S. (1995) *Final Negotiations: A Story of Love, Loss, and Chronic Illness*, Philadelphia: Temple University Press.
- Ellis C. S. (2003) *The Ethnographic I: A Methodological Novel about Autoethnography*, Walnut Creek: AltaMira Press.
- Ellis C. S. (2008) *Revision: Autoethnographic Reflections on Life and Work*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Ellis C. S., Bochner A. P. (2000) Autoethnography, Personal Narrative, Reflexivity. *The SAGE Handbook of Qualitative Research* (eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln), London: SAGE, pp. 733–768.
- Ellis C. S., Bochner A. P. (2006) Analyzing Analytic Autoethnography: An Autopsy. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 35, no 4, pp. 429–449.
- Ellis C. S., Rawicki J. (2013) Collaborative Witnessing of Survival During the Holocaust: An Exemplar of Relational Autoethnography. *Qualitative Inquiry*, vol. 19, no 5, pp. 366–380.
- Ellis C. S., Adams T. E., Bochner A. P. (2010) Autoethnografie. *Handbuch Qualitative Forschung in der Psychologie* (eds. G. Mey, K. Mruck), Wiesbaden: Springer, pp. 345–357.
- Ellis C. S., Adams T. E., Bochner A. P. (2011) Autoethnography: An Overview. *Forum: Qualitative Sozialforschung*, vol. 12, no 1. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589> (accessed 25.12.2014).
- Emerald E., Carpenter L. (2014) The Scholar Retires: An Embodied Identity Journey. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 10, pp. 1141–1147.
- Ernst R., Vallack J. (2015) Storm Surge: An Autoethnography about Teaching in the Australian Outback. *Qualitative Inquiry*, vol. 21, no 2, pp. 153–160.
- Esposito J. (2014) Pain Is a Social Construction until It Hurts: Living Theory on My Body. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 10, pp. 1179–1190.
- Ettorre E. (2013) Drug User Researchers as Autoethnographers: “Doing Reflexivity” with Women Drug Users. *Substance Use and Misuse*, vol. 48, no 13, pp. 1377–1385.
- Fox R. (2014) Auto-archaeology of Homosexuality: A Foucauldian Reading of the Psychiatric-Industrial Complex. *Text and Performance Quarterly*, vol. 34, no 3, pp. 230–250.
- Gingrich-Philbrook C. (2005) Autoethnography’s Family Values: Easy Access to Compulsory Experiences. *Text and Performance Quarterly*, vol. 25, no 4, pp. 297–314.
- Goodall B. H. (2001) *Writing the New Ethnography*, Walnut Creek: AltaMira Press.
- Gotlib A. (2004) Avtojetnografija: razgovor s samoj soboj v dvuh registrah [Autoethnography: A Conversation with Oneself in Two Registers]. *Sociology: 4M*, no 18, pp. 5–16.
- Gotlib A. (2004) Avtojetnografija: razgovor s samoj soboj v dvuh registrah (prodolzhenie) [Autoethnography: A Conversation with Oneself in Two Registers (Continuation)]. *Sociology: 4M*, no 19, pp. 5–31.
- Griffin N. S. (2014) Collaborative Autoethnography. *Qualitative Research*, vol. 14, no 4, pp. 523–524.
- Grigoriev L. (2003) Recenzija: Alekseev A. N. Dramaticheskaja sociologija i sociologicheskaja autorefleksija: V 2-h t. Saint-Petersburg: Norma, 2003 [Review: Alekseev A. *The Dramatic Sociology and Sociological Autoreflexion*, 2 vols., Saint-Petersburg: Norma, 2003]. *Sociological Journal*, no 2, pp. 180–186.
- Hall D. E., Jagose A. (Eds.) (2012) *The Routledge Queer Studies Reader*, New York: Routledge.
- Hamati-Ataya I. (2013) Reflectivity, Reflexivity, Reflexivism: IR’s “Reflexive Turn” and Beyond. *European Journal of International Relations*, vol. 19, no 4, pp. 669–694.
- Hanauer D. I. (2012) Growing Up in the Unseen Shadow of the Kindertransport: A Poetic-Narrative Autoethnography. *Qualitative Inquiry*, vol. 18, no 10, pp. 845–851.
- Harrison B., Lyon E. S. (1993) A Note on Ethical Issues in the Use of Autobiography in Sociological Research. *Sociology*, vol. 27, no 1, pp. 101–109.
- Hayano D. (1982) *Poker Faces: The Life and Work of Professional Card Players*, Berkeley: University of California Press.

- Henderson B. (2012) Narrating the Closet: An Autoethnography of Same-Sex Attraction. *Text and Performance Quarterly*, vol. 32, no 4, pp. 372–374.
- Henson D. F. (2013) Wrangling Space: The Incoherence of a Long-Distance Life. *Qualitative Inquiry*, vol. 19, no 7, pp. 518–522.
- Holman Jones S. (2004) Building Connections in Qualitative Research: Carolyn Ellis and Art Bochner in conversation with Stacy Holman Jones. *Forum: Qualitative Sozialforschung*, vol. 5, no 3. Available at: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/552/1194> (accessed 18.01.2015).
- Holman Jones S. (2005a) (M)othering Loss: Telling Adoption Stories, Telling Performativity. *Text and Performance Quarterly*, vol. 25, no 2, pp. 113–135.
- Holman Jones S. (2005b) Autoethnography: Making the Personal Political. *Handbook of Qualitative Research* (eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln), London: SAGE, pp. 763–791.
- Holman Jones S., Adams T. E. (2010a) Autoethnography and Queer Theory: Making Possibilities. *Qualitative Inquiry and Human Rights* (eds. M. Giardina, N. K. Denzin), Walnut Creek: Left Coast Press, pp. 136–157.
- Holman Jones S., Adams T. E. (2010b) Autoethnography Is a Queer Method. *Queer Methods and Methodologies* (eds. K. Browne, C. Nash), Burlington: Ashgate, pp. 195–214.
- Holman Jones S., Adams T. E. (2014) Undoing the Alphabet: A Queer Fugue on Grief and Forgiveness. *Cultural Studies — Critical Methodology*, vol. 14, no 2, pp. 102–110.
- Holman Jones S., Adams T. E., Ellis C. S. (2013) Introduction: Coming to Know Autoethnography as More than a Method. *Handbook of Autoethnography* (eds. S. Holman Jones, T. E. Adams, C. S. Ellis), Walnut Creek: Left Coast Press, pp. 17–47.
- Jahng K. E. (2014) A Self-critical Journey to Working for Immigrant Children: An Autoethnography. *European Early Childhood Education Research Journal*, vol. 22, no 4, pp. 573–582.
- Jolly M. (ed.) (2001) *Encyclopedia of Life Writing: Autobiographical and Biographical Forms*, London: Routledge.
- Jones M. (2013) Traversing No Man's Land in Search of an (Other) Identity: An Autoethnographic Account. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 42, no 6, pp. 745–768.
- Jones S. H., Adams T. E., Ellis C. (eds.) (2015) *Handbook of Autoethnography*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Keisinger C. E. (2002) My Father's Shoes: The Therapeutic Value of Narrative Reframing. *Ethnographically Speaking: Autoethnography, Literature, and Aesthetics* (eds. A. P. Bochner, C. S. Ellis), Walnut Creek: AltaMira Press, pp. 95–114.
- Kohn N. (2014) Improvised Educational Devices. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 3, pp. 325–331.
- Larsen J. (2014) (Auto)ethnography and Cycling. *International Journal of Social Research Methodology*, vol. 17, no 1, pp. 59–71.
- Liggins J., Kearns R. A., Adams P. J. (2013) Using Autoethnography to Reclaim the "Place of Healing" in Mental Health Care. *Social Science and Medicine*, vol. 91, pp. 105–109.
- Littig B. (2013) On High Heels: A Praxiography of Doing Argentine Tango. *European Journal of Womens Studies*, vol. 20, no 4, pp. 455–467.
- Lobatto W. (2013) The Art of Leading and Following: A Workplace Tango. *Journal of Social Work Practice*, vol. 27, no 2, pp. 133–147.
- Lofland J., Snow D. A., Anderson L., Lofland L. H. (2005) *Analyzing Social Settings: A Guide to Qualitative Observation and Analysis*, Boston: Cengage Learning.
- Mardones D. F. (2014) Crying a Thesis. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 3, pp. 248–252.
- Marschall S. (2015) "Travelling Down Memory Lane": Personal Memory as a Generator of Tourism. *Tourism Geographies*, vol. 17, no 1, pp. 36–53.
- Martin M. (2014) A Witness of Whiteness: An Autoethnographic Examination of a White Teacher's Own Inherent Prejudice. *Education as Change*, vol. 18, no 2, pp. 237–254.
- Martinez A., Merlino A. (2014) I Don't Want to Die before Visiting Graceland: A Collaborative Autoethnography. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 8, pp. 990–997.
- McCormack C., Vanags T., Prior R. (2014) "Things Fall Apart So They Can Fall Together": Uncovering the Hidden Side of Writing a Teaching Award Application. *Higher Education Research and Development*, vol. 33, no 5, pp. 935–948.

- McGlotten S. (2014) A Brief and Improper Geography of Queerspace and Sexpublics in Austin, Texas. *Gender Place and Culture*, vol. 21, no 4, pp. 471–488.
- McTavish L. (2015) *Feminist Figure Girl: Look Hot While You Fight the Patriarchy*, New York: State University of New York Press.
- Meneley A., Young D. (eds.) (2005) *Auto-ethnographies: The Anthropology of Academic Practices*, Peterborough: Broadview Press.
- Mozzhegorov S. (2013) Metodologicheskie osnovanija storitellinga v kontekste issledovanija lichnostnyh narrativov [Methodological Foundations of Storytelling in the Context of Personal Narratives Studies]. *Sociology: 4M*, no 37, pp. 104–125.
- Mozzhegorov S. (2014) Narrativy o gomoseksual'nom raskrytii v zapadnom i rossijskom sociokul'turnom kontekste [Narratives about Homosexual Coming Out in Western and Russian Sociocultural Context]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 124–140.
- Muncey T. (2010) *Creating Autoethnographies*, London: SAGE.
- Murphy R. F. (1987) *The Body Silent*, New York: Norton.
- Nam S. H. (2008) The Construction of Self-identity in the Chronically Mentally Ill: A Focus on Autobiographic Narratives of Mentally Ill Patients in South Korea. *Qualitative Sociology Review*, vol. 4, no 1, pp. 150–170.
- Neumann M. (1996) Collecting Ourselves at the End of the Century. *Composing Ethnography: Alternative Forms of Qualitative Writing* (eds. C. S. Ellis, A. P. Bochner), Walnut Creek: AltaMira Press, pp. 172–198.
- Neville-Jan A. (2003) Encounters in a World of Pain: An Auto-ethnography. *American Journal of Occupational Therapy*, vol. 57, no 1, pp. 88–98.
- Neville-Jan A. (2004) Selling Your Soul to the Devil: An Auto-ethnography of Pain, Pleasure and the Quest for a Child. *Disability and Society*, vol. 19, no 2, pp. 113–127.
- Neville-Jan A. (2005) The Problem with Prevention: The Case of Spina Bifida. *American Journal of Occupational Therapy*, vol. 59, no 5, pp. 527–539.
- Newbold G., Ross J. I., Jones R. S., Richards S. C., Lenza M. (2014) Prison Research from the Inside: The Role of Convict Autoethnography. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 4, pp. 439–448.
- Ngunjiri F. W., Hernandez K.-A. C., Chang H. (2010) Living Autoethnography: Connecting Life and Research. *Journal of Research Practice*, vol. 6, no 1, pp. 1–17.
- Nordmarken S. (2014) Becoming Ever More Monstrous: Feeling Transgender In-betweenness. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 1, pp. 37–50.
- O'Keeffe T. (2015) Creation of a Personality Garden: A Tool for Reflection and Teacher Development, an Autoethnographical Research Paper. *Nurse Education Today*, vol. 35, no 1, pp. 138–145.
- Oakley J., Callaway H. (1992) *Anthropology and Autobiography*, London: Routledge.
- Ouellet L. J. (1994) *Pedal to the Metal: The Work Lives of Truckers*, Philadelphia: Temple University Press.
- Pensoneau-Conway S. L., Bolen D. M., Toyosaki S., Rudick C. K., Bolen E. K. (2014) Self, Relationship, Positionality, and Politics: A Community Autoethnographic Inquiry into Collaborative Writing. *Cultural Studies — Critical Methodologies*, vol. 14, no 4, pp. 312–323.
- Peterson A. L. (2015) A Case for the Use of Autoethnography in Nursing Research. *Journal of Advanced Nursing*, vol. 71, no 1, pp. 226–233.
- Plummer K. (2005) Critical Humanism and Queer Theory: Living with the Tensions. *Handbook of Qualitative Research* (eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln), London: SAGE, pp. 357–373.
- Rawicki J., Ellis C. S. (2011) "Lechem Hara (Bad Bread), Lechem Tov (Good Bread)": Depravity and Nobility during the Holocaust. *Qualitative Inquiry*, vol. 17, no 2, pp. 155–157.
- Reed-Danahay D. (ed.) (1997) *Auto/ethnography: Rewriting the Self and the Social*, New York: Berg.
- Riggs N.A. (2014) Following Bud: Blogging at the End-of-Life. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 3, pp. 376–384.
- Roth W. M. (ed.) (2005) *Auto/biography and Auto/ethnography: Praxis of Research Method*, Rotterdam: Sense Publisher.
- Rottgerossler B. (1993) Autobiography in Question: On Self-presentation and Life Description in an Indonesian Society. *Anthropos*, vol. 88, no 4-6, pp. 365–373.
- Sanders C. (1999) *Understanding Dogs: Living and Working with Canine Companions*, Philadelphia: Temple University Press.

- Sandoval C. (2000) *Methodology of the Oppressed*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Schingaro N. (2014) The Reversal of Lifelong Labeling: An Autoethnography. *Deviant Behavior*, vol. 35, no 9, pp. 703–726.
- Sealy P. A. (2012) Autoethnography: Reflective Journaling and Meditation to Cope with Life-Threatening Breast Cancer. *Clinical Journal of Oncology Nursing*, vol. 16, no 1, pp. 38–41.
- Shoemaker D. B. (2014) Kind of Blue (Music for the Muse): Re/playing Autoethnographic Stories through Music. *Text and Performance Quarterly*, vol. 34, no 3, pp. 321–325.
- Short N, pp., Turner L., Grant A. (eds.) (2013) *Contemporary British Autoethnography*, Rotterdam: Sense Publishers.
- Sikes P. (Ed.) (2013) *Autoethnography*, London: SAGE.
- Sloane H. M. (2014) Tales of a Reluctant Sex Radical: Barriers to Teaching the Importance of Pleasure for Wellbeing. *Sexuality and Disability*, vol. 32, no 4, pp. 453–467.
- Smith C. (2005) Epistemological Intimacy: A Move to Autoethnography. *International Journal of Qualitative Methods*, vol. 4, no 2, pp. 1–7.
- Smith C. (2012) (Re)discovering Meaning: A Tale of Two Losses. *Qualitative Inquiry*, vol. 18, no 10, pp. 862–867.
- Soshi M. J. (2014) Help(ness): An Autoethnography about Caring for my Mother with Terminal Cancer. *Health Communication*, vol. 29, no 8, pp. 840–842.
- Struthers J. (2014) Analytic Autoethnography: One Story of the Method. *Theory and Method in Higher Education Research II* (eds. J. Huisman, M. Tight), Bingley: Emerald Group Publishing, pp. 183–202.
- Sutton-Brown C. (2010) Review of Carolyn Ellis' Book Revision: Autoethnographic Reflections of Life and Work. *Qualitative Report*, vol. 15, no 5, pp. 1306–1308.
- Sykes B. E. (2014) Transformative Autoethnography: An Examination of Cultural Identity and Its Implications for Learners. *Adult Learning*, vol. 25, no 1, pp. 3–10.
- Tamas T. (2011) *Body, Paper, Stage: Writing and Performing Autoethnography*, Walnut Creek: Left Coast Press.
- Terry A. W. (2012) My Journey in Grief: A Mother's Experience Following the Death of Her Daughter. *Qualitative Inquiry*, vol. 18, no 4, pp. 355–367.
- Ugelvik T. (2014) Prison Ethnography as Lived Experience: Notes from the Diaries of a Beginner Let Loose in Oslo Prison. *Qualitative Inquiry*, vol. 20, no 4, pp. 444–453.
- Wakeman S. (2014) Fieldwork, Biography and Emotion Doing Criminological Autoethnography. *British Journal of Criminology*, vol. 54, no 5, pp. 705–721.
- Warren J. T. (2011) Reflexive Teaching: Toward Critical Autoethnographic Practices of/in/on Pedagogy. *Cultural Studies — Critical Methodology*, vol. 11, no 2, pp. 139–144.
- Whitinui P. (2014) Indigenous Autoethnography: Exploring, Engaging, and Experiencing "Self" as a Native Method of Inquiry. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 43, no 4, pp. 456–487.
- Wilchins R. (2014) *Queer Theory, Gender Theory*, New York: Riverdale Avenue Books.
- Wilkins R. (1993) Taking It Personal: A Note on Emotion and Autobiography. *Sociology*, vol. 27, no 1, pp. 93–100.
- Wilson K. B. (2011) Opening Pandora's Box: An Autoethnographic Study of Teaching. *Qualitative Inquiry*, vol. 17, no 5, pp. 452–458.
- Wyatt J., Adams T. E. (eds.) (2014) *On (Writing) Families: Autoethnographies of Presence and Absence*, Rotterdam: Sense Publishers.
- Yang S. (2012) An Autoethnography of a Childless Woman in Korea. *Affilia*, vol. 12, no 4, pp. 371–380.
- Zapata-Sepulveda S., Reinertsen A.B., Martin M., Gomez A. (2014) The Pink-Wheeled Bike — Takes Two, Three, and Four. *International Review of Qualitative Research*, vol. 7, no 4, pp. 502–514.
- Zavadsky A. (2014) Popytka uhvatit' individual'noe v istorii: biografija v istoricheskoy nauke. Interv'ju s docentom magisterskoj programmy "Public History. Istoricheskoe znanie v sovremennom mire" MSSes Veroj Dubinoj [An Attempt to Catch Individual in History: Biography in History. An Interview with Vera Dubina, the Associate Professor of MSSes Master's Program "Public History. Historical Knowledge in Modern World"]. *GEFTER: Internet-Journal*, December 22. Available at: <http://gefeter.ru/archive/13887> (accessed 25.12.2014).